

Юрий Александрович Никитин
На Темной Стороне
Серия «Русские идут», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119669

Аннотация

Россия, вновь обретшая веру в себя, Россия во главе с сильным лидером, Россия, поднимающаяся с колен – подлинный кошмар для заокеанской Империи Зла. И Империя наносит ответный удар – под предлогом... защиты окружающей среды на Байкале высаживается американский десант. Ответить на этот вызов предстоит бойцам спецподразделения «Каскад», действующим в логове врага.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	49
Глава 11	54
Глава 12	59
Глава 13	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юрий Никитин

На Темной Стороне

Этот роман является чистейшим вымыслом. Любое совпадение имен, географических названий или событий является случайным.

*Своим друзьям по корчме,
чьи высказывания бессовестно
вложены героям:
Константину Крылову,
Егору Холмогорову,
Михаилу Егорову,
Дмитрию Янковскому,
Lordwolf'у, Матросову, klm и др.,
а также недругам, в споре
с которыми оттачивались
аргументы...*

Часть первая

Глава 1

Маринка встретила меня приветливой улыбкой. На ее столе в крохотной вазочке букетик полевых цветов, пахнет пыльной степью, значит, романтик Коломиец уже в кабинете.

Я кивнул на массивную дверь:

– Все уже там?

– На этот раз вы раньше президента, – сообщила она. Но не успел я возгордиться, как ехидно добавила: – Два часа назад он отбыл... Сказал, вернется к десяти.

Я взглянул на огромные старинные часы над ее головой:

– Ого, без пяти. Ни за какое президентство не заставил бы себя вставать так рано.

Она фыркнула мне в спину. Я потянул за толстого золотого льва, что прикидывался дверной ручкой, в щель сразу ворвались голоса и музыка. Я перешагнул порог кабинета президента России. Правда, здесь все больше напоминало полевой штаб крупного военачальника, которому приходится заниматься и всякой там экономикой в разоренных войной областях, и, мать ее, культурой.

Кабинет, скорее – зал, середину занимает исполинский стол буквой «т», по утрам сюда сходится «команда», то есть члены собственно правительства, а также люди из администрации президента.

Сейчас за столами горбятятся за бумагами, ноутбуками, калькуляторами – кто чем овладел – несколько человек. Шторы колыхает свежий ветерок, а вдоль стены на плоских экранах горят дома, переворачиваются автомобили, дикторы взволнованными голосами сообщают о захватах заложников, катастрофах, курсе рубля, неустойчивой экономике.

Кречет, озверев от воровства, коррупции и казнокрадства, ежедневно собирает у себя весь кабинет, сует нос во все мелочи, проверяет и контролирует, а когда несколько крупных чинов при его режиме были не просто арестованы, но и погибли «при попытке к бегству», то в самом деле расхитители притихли. Конечно, никто не поверил, что господин Шувалов пытался бежать, у него такие адвокаты, что, если даже посреди Тверской зарежет ребенка,

адвокат сумеет доказать, что ребенок сам напал, нанес ущерб и теперь родители этого злодея должны всю жизнь работать на пострадавшего Шувалова.

Вошел Кречет, за столом невольно подобрали животы и выпрямили спины, а министр культуры поспешно выдернул палец из носа. От президента веяло ощущением злой силы. Запавшие глаза хищно взглянули из-под массивных надбровных дуг, похожих на выступы скал:

– Утро доброе, кого не видел!..

Коломиец пихнул меня локтем:

– Это вам, Виктор Александрович. Мы вас тоже не видели уже с недельку.

Говорил он таким могучим шепотом, что по всему столу взлетали бумаги и опасно сдвигались к краю.

Кречет прошел к своему месту, швырнул на стол папку, но садиться не стал. Мы уважительно посматривали, как отец народа, медленно успокаиваясь, прошелся вдоль стола, все такой же массивный, огромный, больше похожий на циркового борца, чем на президента.

Неприятным металлическим голосом спросил подозрительно:

– Что-то вы все какие-то воодушевленные... Один Коган не щебечет. Ему что, сказать нечего? Он что, не работал?

Коган, министр финансов, сказал обидчиво:

– Как можно такое про самого каторжного работника? Я, к примеру, только что разработал стратегию достижения положительных результатов в переговорах с инопланетянами...

– С кем, с кем? – переспросил тугой на ухо Краснохарев.

– С инопланетянами, – повторил Коган любезно. – Это иностранцы самого дальнего зарубежья.

– Слава богу, – пробормотал Краснохарев с облегчением, – я уж подумал, снова о шахтерах. Так что там с инопланетоньями?

– Как достичь успеха в переговорах, – повторил Коган. – К примеру, мы – представители крайне технической цивилизации, а они, скажем, теократы. Для неграмотных поясню: это строй, где правят попы. Как тут договориться? Или мы демократы, а они – коммунисты.

– Коммунисты в космосе? – снова усомнился Краснохарев.

Коган окрысился:

– Не перебивайте! В других мирах могут быть вовсе негуманоиды. Разумные насекомые или крабы!

– Если разумные, то какие из них коммунисты, – пробормотал Краснохарев, но совсем тихо, и Коган продолжал:

– Они могут быть насекомыми, крабами или вовсе евреями, и потому нам достичь, как говорят, коитуса... тьфу, сперва консенсуса, будет непросто. Я предлагаю применять некий экстракт для снижения ай-кью. Понятно же, чем ай-кью выше, тем больше точек для споров. И вот, постепенно принимая экстракт, мы с инопланетянами будем сближаться все больше и больше. До тех пор, пока вся ученость останется там, наверху, а мы сойдемся на вопросе: какие бабы лучше – толстые или худые? А когда придем ко взаимопониманию, тогда можно постепенно...

Краснохарев проворчал:

– Знаю я этот экстракт! В любом гастрономе...

А Забайкалов, министр иностранных дел, приподнял набрякшие веки, голос пророкотал медленно, словно поднимался из глубин грязевого гейзера:

– Зря намекиваете на наше министерство. Это прошлый состав, в котором вы потрудились, потрудились... так решал вопросы. Без всякого эликсира. Потому что ай-кью и так был ниже пояса, а там известно кто за главного. Вот и дорешались до рынка, до решения важнейших проблем путем голосования масс, до приоритета мнения простого человека...

Наш ай-кью и так уже на уровне пояса, еще чуть – и нас можно считать простыми нормальными американцами.

Его трезвый голос быстрее вернул всех из шутливой атмосферы, чем шуршание бумаг, попискивание сверхтонких ноутбуков.

– Что с исламизацией? – поинтересовался Кречет.

– Идет полным ходом, – отрапортовал бодро Мирошниченко. – Правда, темпы замедлились... ну, значительно.

– Что так?

Мирошниченко развел руками:

– Да вроде бы все условия соблюдены. Мы получили от арабских стран массивные кредиты. Беспроцентные, так как исламская религия запрещает наживаться на долге. Самую крупную в мире мечеть достраиваем в центре Москвы... Что еще? Подготавливается проект договора о вхождении в СНГ Ирана, Ирака, Ливии... Предварительные наброски, но министры иностранных дел черновики уже сверяют, состыковывают... Украина вышла, ну и черт с нею. Зато готов войти Кувейт, а кувейтцы не кричат, что мы их сало сожрали. Так что острая необходимость в срочной исламизации России отпала. А сам народ вовсе не горит сегодня к вечеру принять ислам. Хотя многие горячие головы... или просто скучающие уже скакнули из Иванов в Ахмеды... Если честно, то очень многие!

Коган тут же поднял голову, укорил:

– Зачем честно? Тоже мне политик...

Кречет кивнул:

– Но ислам продвигается? Вот и хорошо. А что медленнее, чем ожидали, то хуже ли? Я слышал, отпор начала давать вышедшая из подполья катакомбная церковь, а также зашевелились разные толки, секты. Конечно, ислам их сломит... наверное, но продвижение зеленого знамени притормозят, притормозят.

Яузов, военный министр, буркнул:

– Да нам и не сама исламизация нужна до зарезу, а встряска этого сонного и пьяного быдла.

Кречет повернулся к Егорову:

– Как с оружием?

Министр внутренних дел, еще совсем недавно полковник спецназа, бодро отрапортовал:

– Если с продажей обычного, то полным ходом. Проблем нет. Если насчет чипового, то, как всегда, запоздали. Уже два года тому в Штатах были готовы начать массовое производство оружия, которое подчиняется только своему владельцу. Фабриканты оружия стены грызли, только бы протолкнуть этот законопроект – еще бы, такие деньги! – но в Штатах попробуй смени массу оружия на другую массу. Другое дело – Россия. Оружия фактически у населения нет, можно сразу вооружать граждан оружием, что подчиняется только им. К тому же разработаны так называемые именные пули, которые несут на себе все данные о владельце. Выстрелить ими можно тоже только из одного-единственного на всем свете пистолета. Но закупать на Западе мы не захотели, а самим задницу с печи поднять трудно. На Полозова, который особенно рьяно пробивал в Думе этот закон, дважды совершали покушения. Понятно, с введением новых правил мафии впервые придется туго: всякий, у кого будет обнаружен автомат или пистолет без чипа, тут же попадает за решетку на очень долгий срок.

Сказбуш сказал ехидненько:

– Разработки этого оружия были свернуты. Потому что внедрение чипов снижало эффективность этого оружия.

– Это если для армии, – возразил Егоров. – А простому народу зачем прицельная точность из пистолета на сотню метров? На десять достаточно...

– Какие-либо эксцессы? – потребовал Кречет.

Лицо его окаменело, а рифленные желваки выступили резче. Мне показалось, что он даже дыхание слегка задержал в ожидании неприятностей.

– Перегибов хватает, – признался Егоров. – Народ только приучается к идее, что пистолет может оказаться у каждого... Позавчера, к примеру, был случай на Планерной улице. Какой-то лихач пронесся на мерсе, обрызгал грязью стоящих на троллейбусной остановке. Один успел выхватить пистолет, произвел пять выстрелов вдогонку. Разбил заднее стекло, пробил шины и ранил мужика на заднем сиденье... Конечно, повязали, будут судить. Я сразу нажал на все кнопки, чтобы этому взбешенному горе-стрелку дали условно. Ну, приняли во внимание состояние аффекта, то да се, юристы эти штучки знают... А сейчас его отпустили под подписку о невыезде.

Коломиец неодобрительно покачал головой:

– Он же ранил ни в чем не повинного человека!

– А пусть не садится к такому, – отпарировал Егоров. – Но зато вот мне доложили: с сегодняшнего утра это обрызгивание грязью прохожих как рукой отрезало! Вчера целый день ту информашку по всем каналам крутили... В телестудии телефоны раскалились добела: народ звонит, требует этого стрелка не судить, а медаль ему дать. Видать, тоже обрызганные... Словом, хоть и с шероховатостями, но программа окультуривания... есть такое слово?... с помощью личного оружия продвигается.

Коломиец, министр культуры, который вечно лез не в свое поле деятельности, так как на его министерство денег всегда не хватало, кашлянул, привлекая внимание:

– Платон Тарасович... Учителя объявили недельную голодовку! Вся мировая общественность стоит на ушах, требует... Вон Англия так вообще...

Кречет отмахнулся, в запавших глазах блеснула злость:

– У себя они не такие добренькие! Помню как-то, они ж арестовали ирландцев и осудили как уголовников. Те возмутились, они же выдвигают политические требования, значит – политические. Англичане отказались. Тогда эти ирландцы объявили голодовку. Да не такую позорную, как у нас, когда два дня обходятся без горячего питания, а потом ходят героями!.. Ирландцы не принимали пищи всей группой, англичане невозмутимо помалкивали. Голодали неделю, два, месяц, два... Затем умер первый. От голода. К тому времени уже превратился в скелет! Газетчики забегали, завопили, но что же? Английское правосудие хладнокровно отвечало, что всяк человек вправе распоряжаться своей жизнью. Умер второй, третий, четвертый... Думаете, хоть тогда что-то изменилось? Ни на грамм! Они все там померли: не то десять человек, не то пятнадцать – уже не помню. Но английское правосудие, такое гуманное и либеральное, когда дело касается нарушения прав в России, и пальцем не шелохнуло. Приговор остался прежним, никто и не подумал пересматривать, хотя уже этим актом ирландцы доказали, что они – не уголовники.

Он отмахнулся, наконец-то пошел к своему креслу во главе стола. Яузов сверлил министра культуры придирчивым взглядом: больно черный, да и нос крючком, а Забайкалов, в ведении которого были иностранные дела, пророкотал благодушно:

– Англия примазывается... Просто примазывается, везде выпячивает свою значимость, везде старается выскочить впереди Империи, чтобы ее заметили. Везде вопит и всем видом напоминает, что Империя выросла из их английской колонии! И что сейчас Империя – это та же Англия, только молодая и потому еще неотесанная. Мол, Империя и мы – близнецы и братья, как сказал классик...

Его напыщенная, приподнятая речь попахивала небесно-чугунно-немецким, Яузов вскоре и в нем перестал подозревать еврея и сосредоточился на своих бумагах. Наступило молчание, всяк торопливо подготавливался к экзамену перед Кречетом.

Я в сторонке, передо мной ноутбук, ради такого стоит работать в любом правительстве. Огромное искушение запустить трехмерную стрелялку, а с процессором в тысячу мегагерц и вуду по имени Avenger-2 можно пройтись в высшем разрешении без всяких тормозов... но все-таки я на работе, а второе, что начинает тревожить, – эта сегодняшняя эйфория...

Да, в исламские центры народ валит толпой. Особенно много молодых решительных ребят, что раньше могли только по пьянке бить друг другу морды, а теперь вдруг нашли, что можно бить не просто так, а за идею, за Россию, за мир и счастье для всех людей на свете.

Но все-таки, все-таки опять это гнетущее чувство, что начинаем разгоняться, чисто порасейски отпустив вожжи вовсе! А на большой скорости да без крепких вожжей как бы не очутиться в канаве вверх колесами.

Глава 2

Массивная дверь, тяжелая, как будто ее переставили из сейфа Центрального банка, распахнулась, как дверь собачьей будки. Все головы развернулись в сторону входа. Мирошниченко ворвался вихрем, губы трясутся, в глазах бешенство. Я успел подумать, что пресс-секретарь до своей кандидатской по юриспруденции успел закончить с отличием что-нибудь и воздушно-десантное.

– Господин президент!.. Платон Тарасович!.. Американский десант на Байкале!

В огромном кабинете наступила страшная тишина. Застыл даже воздух, я видел, как замер в полете, словно впаянный в глыбу льда, брошенный Коганом через стол листок бумаги.

Лицо Кречета, напротив, медленно начало наливаться кровью, на лбу угрожающе вздулись жилы.

– Почему на Байкале? Что там: секретные заводы, шахты с ракетами?

– Операция «Чистая вода», – выпалил Мирошниченко. – Они готовились к ней давно. Помните, обилие статей и фото о загрязнении озера Байкал, о бумкомбинате, что отходами загрязняет уникальную воду... а он в самом деле загрязняет, письма наших виднейших писателей и деятелей культуры с требованием прекратить работу этого чудовища?..

Кречет, страшный, как сама смерть, с оскаленными зубами, медленно выпустил воздух, широкая грудь несколько опустилась. Уже спокойнее, но все еще сдавленным голосом спросил:

– Что известно на сегодня?

– Сегодня Империя, – сказал Мирошниченко торопливо, – разом все это выбросила в эфир и в печать и одновременно – десант в десяти милях... простите, шестнадцати километрах от точки загрязнения. Два крупнейших бумкомбината Финляндии минута в минуту с высадкой десанта предложили нашей стране безвозмездные поставки бумаги в том же объеме, что давала эта громада. Тем самым они привлекут на свою сторону как любителей халявы, а у нас сейчас почти вся страна из халявщиков, так и крупнейшие умы из числа писателей, музыкантов, ученых... Ну, которые еще при Советской власти дрались за Байкал и подвергались гонениям. Эти люди и сейчас считаются совестью России. Так вот они, по сути, сейчас на стороне Империи! Мы никак не могли отказаться от мощностей бумкомбината, а имперцы разом всех спасли... Под благороднейшим лозунгом: планета, мол, едина, мы – единый человеческий род, и все ресурсы принадлежат человечеству, а не отдельным народам, которым просто повезло угнездиться на местах, где впоследствии открыли запасы нефти или, как у нас, запасы чистой воды.

Яузов вздохнул, поерзал, сказал с одобрением профессионала:

– А ход неплохой... Даже если сбросим батальон парашютистов и всех перебьем, то нас обвинит не только Европа – хрен с нею, но и наши гуманитарии. Мол, юсовцы для нас же старались!.. Но если оставить как есть...

Массивные плечи зябко передернулись. Мы понимали, что оставить все как есть – прощай Россия как страна. Останется только как географическое понятие.

Сказбуш сказал трезво:

– Эта операция готовилась давно. Мы о ней знали. Но она должна была состояться намного позже. Через пару лет, не раньше. Им нужно было кое-что сделать, лучше подготовить общественное мнение. В том числе и в России. Честно говоря, этот десант неожиданность даже для меня...

Коган спросил наивно:

– А почему поспешили?

– Не ясно? – огрызнулся Яузов. – То-то у нас налоги не собраны, если не понимаете, что приход Кречета перевернул все планы!.. Через два года для них уже будет поздно. А пока есть шанс повернуть Россию как угодно. Конечно, поставить на четыре кости, как было при прошлом правителе... и как пытались совсем недавно, не выйдет, зато повернуть... да эдак приговаривая ласково, что это же для нашей пользы снять штаны и нагнуться... Черт! Платон Тарасович, пора отвечать, как вы и обещались, неадекватно!

Кречет кивнул:

– Именно неадекватно.

Забайкалов пророкотал своим удивительно неспешным убаюкивающим голосом:

– Взгляните вон на тот экран... Нет, который первую программу. Правозащитнички уже тут! Старохатская, Клепалев, еще какой-то из гордо сидевших... Приветствуют мировую демократию в действии. А мы, значит, мерзавцы, что сами не гам и другому не даем... Ага, вот как раз пошло, что юсовцы наконец-то решили взять сами, так как за ними поддержка всего человечества... Ну, они свое НАТО давно уже именуют всем человечеством. И весь русский народ должен ликовать, что юсовцы взяли на себя эту грязную работу бдить и охранять, а заодно еще и почистить Байкал от нечистот, а нам еще на халяву и бумагу пришлют...

Сказбуш буркнул:

– Клепалев научился демагогии. Сам не боялся никакой работы, трудился как вол, но для других халяву выставляет как козырь. Был правозащитником, стал политиком... Довольно грязноватым.

– А Старохатская о взаимопомощи... – заметил Забайкалов. – Блещающие США спасают русское озеро Байкал для той же немытой России... Берут на себя грязную работу, за что мы должны целовать американские сапоги, быть по гроб благодарны, чистить им туфли и носить тапочки в зубах... Ах, тварь...

Яузов заметил трезвым голосом:

– Говорят как слаженно! И роли распределены. Полагаете, знали заранее?

Сказбуш отмахнулся:

– Нет, конечно. Так им и доверяют детали секретной операции! Просто эти всегда в любом действии Империи видят руку бога, а языки у них подвешены здорово, с ходу могут импровизировать на тему плохой России и замечательной Империи так, словно готовились годы. Впрочем, они и готовились. Еще тогда, в советских лагерях.

Кречет, с серым, как гранитная скала, лицом, угрюмо переводил взгляд с одного экрана на другой. Правозащитники выступали везде. Везде взхлеб о благородной роли США, что взяли добровольно разгрести наши помойки. Об их финансовой безвозмездной помощи в виде эшелонов с первосортной бумагой из Финляндии. О том, что россияне должны ликовать и на руках носить доблестных юсовцев, что в буквальном смысле упали с неба...

– Тревогу отмени, – велел он Яузову. – Командующему ПВО, конечно, дай втык, такое пропустил... это же черт знает что!.. Даже несмотря на то, что их внимание отвлекали как могли, знаю... Но сейчас, если мы, бросив туда парашютистов, всех истребим, проиграем.

На Кречета косились удивленно. При его характере командующий ПВО должен был потерять не только погоны, но и голову. Возможно, юсовцы на это и рассчитывали.

Коломиец прошептал раздавленно:

– На своей-то земле?

– На своей-то земле, – ответил Кречет мертвым, как камень, голосом. – Чертова перестройка все поменяла... Сейчас и Гитлера бы приветствовали как спасителя. Он-де Германию из разрухи пострашнее нашей вывел, он и нас спасет!.. Нет, погоди. Они уже высадились, этого не отменишь. Надо думать, что делать быстро и правильно.

– Именно быстро, – сказал Сказбуш. – Сейчас они раздают бусы и стекляшки жителям окрестных деревень, завоевывают симпатии. С бумкомбинатом еще проще! Не взрывать

же... Выключат рубильник, машины останятся. Рабочим раздадут по сотне долларов на рыло, те сразу в ближайшее сельпо за водкой... Вот и выглядят спасителями!

Забайкалов пробасил медленно, тяжелым и рокошущим голосом:

– Я сейчас отправлю ноты протеста. Ну, все те, которые пишут в подобных случаях. И которые ожидают. А тем временем...

Пальцы уже тыкали в клавиши ноутбука. Сказбуш посматривал чуть ревниво, нынешний министр иностранных дел в далеком прошлом был непростым разведчиком, даже для него, главы ФСБ, часть его операций осталась тайной. Выполнял какие-то деликатные распоряжения правительства, еще советского, ну и выполнял. Кто о них знает? А кто и знает, того либо крабы на дне Тихого океана давно сожрали, либо раки в Клязьме.

Егоров подошел к Кречету бочком, я слышал, как он сказал тихонечко:

– Даже самый тупой из «портяночников» знает, что Забайкальский военный округ – это пусковые шахты стратегических ракет, это пара особо засекреченных авиазаводов в Улан-Удэ, мощный обогатительный комбинат по обработке урановой руды... там же и карьер, где урановую руду добывают открытым способом. Я сам использовал снимки этого рудника, которые юсовцы получают из космоса! Видно даже, кто какую газету читает...

Глаза Кречета сузились, он прошелся вдоль стены, буркнул:

– Предлагаете усилить охрану?

– Если позволите, господин президент... мне нужно будет сказать только одно слово. Его никто не поймет. Просто всякий, кто приблизится к запретной зоне, не будет интернироваться для расспросов.

Кречет несколько мгновений смотрел в лицо Егорова. Тот ответил прямым взглядом.

– Хорошо, – ответил наконец Кречет. – Полагаю, такое слово вы уже сказали?

– Конечно, господин президент, – ответил Егоров почтительно. – Нельзя было терять времени. К тому же наше подразделение наделено известной автономностью...

Я отошел к самому дальнему экрану, добавил громкости. Оператор показал сперва общий план старинного деревенского дома, приблизил к сидевшему на ступеньках деревянного резного крыльца очень немолодому человеку с некрасивым, но благородным лицом. Он сидел в свободной раскованной позе, говорил медленно, взвешивая слова.

Я не сразу узнал Дубовитина – постарел, постарел! – старого русского писателя, который еще при Советской власти как никто самоотверженно боролся за спасение Байкала. Он бросал на чашу весов все свои награды и лауреатские премии, спорил, доказывал, подвергался гонениям, разве что лауреатство и пролетарское происхождение спасали до поры от арестов. Тогда остановить бумкомбинат не удалось, зато Дубовитин и его друзья-писатели помельче добились снятия с ввода в строй второй и третьей линий. Услужливые аналитики подсчитали, что с загрязнением от одной линии Байкал справится... Возможно, так и было, но после перестройки под шумок запустили и остальные, оправдывая уже интересами рынка.

Дубовитин говорил медленно, его хрипловатый голос звучал сурово, печально. Патриот России, он говорил о великой скорби, о национальной гордости – жемчужине Байкала, о необходимости беречь родную природу и закончил совсем невеселым призывом:

– Призываю, как мне это ни печально, помогать заокеанским... Я не хочу называть их друзьями, но все же они сейчас наши союзники. Прошу помогать им как союзникам. Они помогают нам сохранить эту бесценную жемчужину – Байкал. Возможно, когда-то поможем им и мы: русские не любят оставаться в долгу. Но пока примем помощь от них.

На экране появилась румяная дикторша, веселым голосом напомнила, что говорил сам Дубовитин, знаменитый на весь мир писатель, лауреат Ленинской, Государственной и прочих премий, автор таких-то и таких-то романов, признанный во всем мире...

Язов с неудовольствием буркнул:

– Ага, уже признанный. То-то совсем недавно она ж его и поливала! Иначе как тупым деревенщиком не величала.

Сказбуш поднес ко рту коробочку сотового телефона:

– Громовский, проверь выступление Дубовитина... Уже проверяешь? Молодец. Сразу доложи.

Кречет посмотрел хмуро:

– Подозреваешь... куклу?

– Слишком уж быстро, – ответил Сказбуш. – Насколько я знаю, Дубовитина раскачать непросто. А выступления он, как и книги, пишет по два-три дня. Пишет и перечеркивает, пишет и правит... Точно-точно! На него досье еще с шестидесятых годов лежит. Пухленькое, как твоя внучка. Все привычки знаю. Импровизировать не любит.

– Даже по Байкалу?

Сказбуш поморщился:

– По крайней мере, такое серьезное импровизировать не станет. Да, уверен, что это наложение масок, подгонка голосов и прочие компьютерные штучки. Когда еще до него дойдет слух, когда еще раскачается с опровержением! А дело будет сделано. Да и не всяк ему потом поверит. Скажут: виляет лауреат. То так говорит, то отрешивается от своих же слов... Не поймешь этих тилигентов!

В Империи, вспомнил я, говорят с чистой американской гордостью: мы, юсовцы, в своей стране производим все, кроме культуры. А культуру покупаем в Старом Свете. Звучит здорово, вот только, к сожалению, покупает ее не какой-нибудь француз на имперской службе, а покупает имперский рынок! А рынок руководствуется массовым вкусом, то есть вкусом американского слесаря. И хотя у этого слесаря в квартире два компа в Интернете, оптико-волоконная связь и сам получил диплом инженера или менеджера, все равно слесарь есть слесарь. Вот только в России слесари слесарят, а в Империи управляют общественным мнением и указывают, что покупать: памперсы поярче, баб подступнее, культуру попроще.

Демократия – это правление демоса, народа. Народовластие. Что народ хочет, то в стране и делается. И за ее пределами тоже. Если в соседской чете пианистов муж с женой поспорили, кто лучше: Бах или Моцарт, американский слесарь всегда готов прийти непростенным в их дом, дать обеим по хлебалу и объяснить на пальцах, что лучше всех – Майкл Джексон! И чтоб на будущее они это знали и не пытались разводиться всякую там гниль с их гребаными бахами и симфониями, он будет проверять в любое время дня и ночи. И если увидит, что снова тайком занимаются всякими там симфониями, то придет учить их музыке с Седьмым флотом, крылатыми ракетами и свитой послушных должников из НАТО!

В основание доктрины противостояния следует положить аксиому, что проклятые имперцы ценят свои жизни, свое благополучие и здоровье очень высоко. В России же традиционно культивировалось залихватское отношение к жизни вообще, тем более – к благополучию и здоровью. Только в России язвенник не посмеет отказаться от стакана водки, потому что лицо у русского человека тоже есть: беречь здоровье – это же стыдно!

Следовательно, имперец будет избегать драки, в которой ему, к примеру, могут порвать одежду, а вот русскому это не страшно: и одежка хреновенькая, и с побитой мордой совсем не в стыд, а в доблесть появиться перед народом.

Этот десант у Байкала стал возможен только потому, что имперцы уже привыкли не встречать отпора. Голливудские фильмы и компьютерные игры навязали взгляд, что имперцы идут и стреляют, а перед ними либо бегут, либо падают под пулями: «Перед нами все цветет, за нами все горит...» Общественное мнение, умело подготовленное всеми средствами информации, на их стороне, так что правительство той страны, где прошли американские командос, вместо гневных нот протеста еще и униженно оправдывается.

Единственно верный и действенный ответ – наносить ответные удары. Богатый хуже держит одинаковую по силе зуботычину, чем бедный. Когда драка завяжется на краю пропасти, бедный готов ухватиться за богатого, чтобы и его, проклятого, на зияющие внизу острые камни, чтоб ему, сволочи, не было больше хорошо, а вот богатый постарается отступить от пропасти...

Да мать ее перемать, нам терять нечего. А если и есть, то имперцы в любом случае теряют больше. Они больше всего на свете боятся потерять жизнь и здоровье. Они отступают при равных схватках! Но даже если не отступят... что ж, на них сала больше.

Я видел, как Сказбуш вскочил под тяжелым взглядом Кречета:

– Разрешите, господин президент?

– Иди, – кивнул Кречет. – Завтра утром... нет, сегодня к вечеру чтобы был с планом. Не набросками, как у вас обычно, а готовым к исполнению.

Сказбуш ответил ровно:

– Могу доложить хоть сейчас.

Кречет поморщился:

– Сейчас некогда... Да и Коган здесь, а он, сам понимаешь, как агент международного сионизма, просто обязан вредить всеми фибрами души... В двадцать ноль-ноль жду в зеленом кабинете! С планом.

Яузов поднялся, злой и лохматый, заговорил раздраженно, размахивал руками так, что сшиб бы любого спецназовца:

– Будем откровенны? Так вот, если бы не наши ракетные пусковые установки, которые в полной боевой готовности, что бы там о них ни говорили... если бы не наши подлодки, что с ядерными ракетами на борту... нацеленными на крупнейшие города Империи!.. по-прежнему протирают дно у ее берегов, а засечь их все еще невозможно, то юсовские войска уже высадились бы не только у Байкала, а по всей территории России. А саму Россию объявили бы очередным штатом Империи.

– По просьбе трудящихся России, – ядовито добавил Коган.

Глава 3

Яузов шутки не принял, набылчился:

– А что? Трудящиеся у нас еще те! За бутылку водки и Россию, и мать родную... Так что эту демократию – в задницу. Право голоса только тем, у кого осталась совесть... хотя бы крохи, да еще и ума бы... Впрочем, ум здесь необязателен. Есть вещи, которые человек шкурой, да-да, шкурой!

Он перевел дух, мясистое лицо, и без того красное, налилось кровью, как небо на закате, а голос стал хриплым от ярости:

– Но по мелочи давление начнут наращивать! Повсюду. Начиная от компьютерных игр, которыми занята голова нашего футуролога, и кончая высадками таких десантов, как на Байкале. Эти люди не признают ни территориальных прав, ни неприкосновенности чужой территории, никаких законов, а свои законы готовы навязать всему миру. А что там – готовы! Уже навязывают. Единственное, что эти люди признают, – это сила. Пока что наша сила держала эту стаю на расстоянии. Как только мы ослабели...

Коган сказал раздраженно:

– Но мы в самом деле ослабели! Наша экономика вчетверо слабее имперской. Тут уж ничего не попишешь. В то же время мы, имея всего лишь пять процентов от мирового населения, располагаем половиной всех сырьевых ресурсов планеты! В том числе у нас семьдесят процентов запасов стратегического сырья. А Империя, располагая теми же тремя процентами, уже пожирает свыше половины всего сырья, добываемого в мире. А вы хотите, чтобы они перестали протягивать руки к нашим богатствам?

– А вы не хотите? – огрызнулся Яузов. – Я говорю, что эти люди не признают ни доводов, ни мировых законов. Они признают только силу. Но кто сказал, что мы потеряли всю мощь? Я уже говорил, что даже если сотая часть наших ракет долетит до Империи, то там вся территория превратится в один ядерный вулкан. Они это прекрасно понимают! Потому жмут на нас, но осторожно жмут. Все время посматривая на наш палец на ядерной кнопке. Я говорю к тому, что мы точно так же можем отвечать на удары. Только мы не можем... ну, хоть режьте меня на куски, но мы не можем послать к берегам их союзника весь наш флот в составе двух авианосцев и ста линейных кораблей только для того, чтобы продемонстрировать мускулы. А затем, может быть, высадить небольшую группу, чтобы слегка пострелять, поугатать. Нам это не по карману. Но зато по карману послать небольшую группу. Без всяких кораблей и вертолетов. Так, группу туристов.

Он умолк, посмотрел на Сказбуша. Тот кашлянул, поклонился в сторону военного министра:

– Впервые вижу, что наш уважаемый министр обороны решился кого-то пропустить вперед. Да еще добровольно. По крайней мере, без выкручивания рук.

Яузов недовольно сопел. Коган заметил невинно:

– Не иначе как впереди яму заметил.

– Просто, – сказал Коломиец искренне, – туристы с кинжалами под плащом не по рангу маршала. Ну, полного генерала! А на танковую армию бензина не хватит...

Кречет бросил на стол папку. Он был похож на грозную тучу.

– Здесь анализ геополитиков. Положение гораздо серьезнее, чем обычно говорится в печати. Пока здесь разрывывали страну, Империя запустила щупальца не только в страны нашего влияния, но и шарит по нашей, как в своем кармане. НАТО вплотную придвигает свои военные базы, нас стиснули кольцом, у нас выманивают массами наши квалифицированные кадры, оставляя только пенсионеров и немощных старух... еще бы!.. Этих кормить не хотят. В Империи только бы языками чесать о милосердии! Их агенты влияния уже

разграбили страну и перебросили деньги... в том числе и те, что выманили у населения, в Империю. Но теперь, когда не оставили в нашей стране ни рубля, который не был бы взят взаем у них же под большие проценты, они готовятся к открытому захвату наших природных богатств. Это последнее, что у нас осталось...

Яузов прорычал угрожающе:

– А мы? Еще остались мы.

– Мы, – сказал Сказбуш, – мы все еще запрягаем.

Коломиец оскорбленно вскинулся:

– А взрыв на базе НАТО возле наших границ?

Яузов положил перед Кречетом рулон бумаги:

– Уж простите, я по старинке... Здесь уточненный сценарий. Если все-таки начнется, то вот какая получится картина... От Европы, понятно, останется пустыня. Над ней будут сбиваться как наши ракеты, так и имперские, так что понятно. Индия и Китай, тоже понятно, потеряют процентов восемьдесят населения...

Коломиец полюбопытствовал:

– Простите, но разве они будут участвовать в конфликте?

Яузов фыркнул:

– А при чем тут их участие? У них народу как муравьев! Перенаселение, понимаете ли... Понятно, Империя и мы под шумок запустим туда по десятку ракет. Та-а-а... К сожалению, западную часть России сохранить не удастся. Все будет превращено в руины. Как и вся Империя... Но зато Империя – целиком. У них на континенте останется только огрызок Мексики, да в горах Канады уцелеют какие-нибудь индейцы... После хаоса, в котором погибнет и большая часть Украины...

Коломиец спросил заинтересованно:

– А Украина на чьей стороне выступит?

Яузов посмотрел с укоризной:

– Как хохол хохлу отвечаю: при чем тут сторона? В конфликте нет сторон. На Украине, между прочим, остался полк стратегических бомбардировщиков СУ-33. В первые же минуты ядерный удар будет нанесен и по этому аэродрому. Не можем же мы позволить себе оставить в будущем такую угрозу?.. Ну а радиоактивное облако сожжет почти все народонаселение, а также всех людей. К тому же в их небе будут сбиваться американские ракеты с атомными зарядами... Словом, чтобы не утомлять вас мелочами потерь и разрушений, скажу сразу итог: в результате первого раунда вся Империя в порошок, а у нас будет как Луна вся Восточная Европа почти до Урала. Ну, понятно, Москва, Ленинград и всякие там вятки...

– А за Уралом?

– Восточная Сибирь уцелеет практически вся. Разве что удастся превратить Комсомольск-на-Амуре в лунный кратер. Там строят атомные подлодки, этот завод... а там весь город – завод. Так что на него ракет не пожалеют, не пожалеют! Еще уцелеет часть Западной Сибири: слишком великаниста, чтобы всю атомными бомбами. Так что мы останемся с третью населения, а Империя – с кучей тараканов. Они к радиации страсть как устойчивы.

Коломиец в растерянности вертел головой:

– Да что же это за сценарий? А ПВО на что тогда?

Яузов хмыкнул:

– Ишь, какие слова министр культуры знает! Никак сержантом ко мне просится? Вы же слышали, две трети американских ракет собьем еще над Европой. И Украиной. Имперцы тоже собьют две трети наших птичек. Ну, там же. Над теперь уже географическими территориями Хохляндии и прочей Европы. У юсовцев по Европе хорошие противоракетные комплексы, успеют сбить первую волну, пока... словом, пока их самих... Нет, не побьет: засыплет обломками.

Кречет смотрел набычившись, прорычал:

– Вывод?

– У имперцев их варианты сценариев дают тот же результат, – сообщил Яузov. – Так что там понимают: мы из столкновения выходим сильно потрепанными, даже очень сильно, а они... не выходят вовсе.

Коган фыркнул:

– Вы это всерьез?

– Вы о чем? – ядовито поинтересовался Яузov, впервые не назвал министра финансов по имени-отчеству, что можно было понимать по-разному. – Вы о чем, позвольте поинтересоваться?

– Такой доктриной нельзя угрожать, – сообщил Коган. – Наши потери слишком велики, и в Империи понимают, что мы на столкновение не пойдем.

– А они будут продолжать наступать?

Коган кивнул:

– Будут. Ведь идут без пролития крови! А для простого народа что такое его страна? Увы, теперь ЮНЕСКО может объявить годом простого человека все наше столетие... Ну, пусть не столетие, но сейчас пришло царство простого, очень простого... э-э... опростевшего человека. А ему до фени, что сюда придет Империя. Ему важно, чтобы ему самому пальчик не прищемили! Империя это понимает, она сама проще свиньи с ее инстинктами, потому издали кричит, что никому не сделает больно. Ах не больно, отвечает наш простой человек, называющий себя интеллигентом. Ну тогда идите! Только мой приусадебный участок не трогайте.

Сказбуш напомнил:

– Есть еще доктрина Андропова.

– Отказ от применения ядерного оружия первыми? – догадался Коломиец.

– То доктрина Хрущева, – сказал Сказбуш сварливо. – Или Брежнева, не помню. А андроповская – это отказ от отказа. А раз уж Россия взяла на себя все долги СССР, от чего увильнули Украина и остальные республики, то и андроповская доктрина в силе. Мы вправе применять ядерное оружие первыми!

– Да вроде бы на той натовской базе...

– Там был взрыв от несоблюдения техники безопасности, – подчеркнул Сказбуш. – А наши ребята еще нигде не появлялись с ядерной взрывчаткой.

– Да, конечно, – согласился Коломиец поспешно, – наши ребята там ни при чем.

Серые губы директора ФСБ чуть раздвинулись в усмешке.

Кречет, судя по его виду, колебался. Яузov раздраженно сопел, для прямого, как рельс, военного министра все ясно, в сторонке нетерпеливо играл бровью Сказбуш, ястреб настолько, что все остальные ястребы рядом с ним – голуби.

– Ладно, – ответил наконец Кречет. – Мы обещали неадекватный ответ. Пора ответить.

– На их общее наступление?

– Нет, – резко ответил Кречет. – Пока только на десант у Байкала. Равный по болезненности.

– Но с процентами, – сказал Коган неожиданно. – Мы не можем высадить десант по охране их озера Гурон или Онтарио... достаточно засранных, надо сказать, но обязаны ударить по самому больному. Они ударили по нашей чести, в ответ надо ударить по тому единственному, что они понимают.

На него посматривали с удивлением, только я понимал, что движет министром финансов, половина многочисленной родни которого живет в Израиле.

Глава 4

На Пушкинской, в роскошном старом доме, где остались две последние коммуналки, не расселенные новыми русскими, тоже шел разговор о судьбах России, о проклятых жидках, о таинственных масонах, о налогах и подорожавшем пиве.

В изолированной двухкомнатной квартире на третьем этаже, в комнате побольше, с высоким лепным потолком стоял колченогий стол, на желтой от брызг пива и прилипшей рыбьей шелухи столешнице блестели последние три неоткрытые бутылки с «Клинским». В раскрытое окно долетал гортанный говорок жителей гор. Скупив квартиры в центре Москвы целыми подъездами, они не отказались от своих привычек выходить на улицу в трениках, переговариваться через всю улицу, а их голозадые дети целыми выводками ползали по асфальту.

Внизу пронзительно засигналила машина. Понятно, джигит приехал, все должны увидеть его машину. С подоконника соскочил парень выше среднего, одет ниже среднего, в обеих руках плавничок тараньки. На ходу обсасывал так сосредоточенно, что почти наткнулся на стол, но в последний миг извернулся и так мягко сел на табуретку, словно весил не больше бабочки.

Второй, могучий парень с рыжей бородкой и длинными волосами, деловито взялся откупоривать пиво. В его огромных ладонях поллитровые бутылки выглядели чекушками. Несмотря на жаркое лето, это лицо и руки были нежно-белыми с той розовостью, о которой так мечтают девушки и которую ненавидят парни.

– Дмитрий, – поинтересовался он у того, который обсасывал плавничок, – я не знаю, как их мочить, чтобы не размножались... Но я видел, как этот гад гнал на скорости под сто двадцать! А что с его машиной случится, ну... если на такой скорости проколоть один борт?

Дмитрий покопался в куче чешуи, голов, костей, плавников, что, как египетская пирамида, возвышалась в середине стола:

– Черт, где-то мелькнул комочек икры... Конечно, объяснить могу, что случится. Но это все не столько от скорости, как от марки машины, резины, подвески, массы машины, клиренса и вообще системы устойчивости. Но тебе зачем, Филиппок? Будешь прокалывать колеса?

Рыжебородый поморщился, а третий, самый молодой и чистенький, весь как профессорский сынок-музыкант, сказал с мягким укором:

– Дима, а почему нет? Эти черные вовсе Россию затопчут. Я бы тоже им взялся колеса прокалывать. Метнуть под колеса клок колючей проволоки...

– Славка, ты вообще молчи, – отмахнулся Дмитрий. – Даже Филипп плохо представляет, о чем говорит, а он хоть воевал. Ты же вообще... Ладно, оставим пока само прокалывание. Давайте посмотрим, что стрясется с машиной. Сразу отбросим всякие там запоры с их торсионной подвеской, эти ребята не во всякий жигуленок сядут! Итак, жигуль. Это самая уязвимая машина, хуже ее уже и придумать нельзя, так что давайте смотреть, что с нею сделает Филипп. Все уязвимые, начиная с копейки и заканчивая навороченными девятками. Там нет гидроусилителей руля, там примитивенькая червячная система рулевого управления. Словом, если проколоть переднее колесо, то при большой скорости... ну, за сотню, можно и опрокинуться.

– А я что говорил? – спросил Филипп.

– Прокол одного из колес, – продолжал Дмитрий невозмутимо, – заставляет руль резко уйти в сторону проколотого колеса. Ну, не буду объяснять, что такое критический угол, надо будет рассказать и про клиренс, а вы больше спецы по климаксу да коитусу. Словом, в жилетке одно накладывается на другое: низкий вес, высокий клиренс, высокий центр тяжести.

А червячное рулевое не удерживает сворот колес, тут все и летит... Погоди, не расправляй плечи! Джигиты на жигулях не ездят, это во-первых. А на иномарках стоят гидроусилители руля. А гидроусилитель не имеет обратной тяги. Даже если моментально сдуть переднее колесо на любой скорости, то колеса не уйдут в сторону. К тому же критический угол для иномарок вообще немислим.

Филипп раздраженно прогудел:

– Не свисти! У мерса вон как колеса выворачиваются, хоть на месте крутись!

Дмитрий выставил блестящие от жира ладони:

– Прав, прав, кто спорит? Но прав насчет угла поворота, но не насчет моего свиста.

Дело в том, что при массе около трех тонн, очень низком клиренсе, специально утопленном центре тяжести, сверхнадежной системе поперечной устойчивости критический угол для этих машин практически равен девяноста градусам. Так что буржуины и тут нам нагадили! Не переворачиваются их дорожки от прокола переднего колеса. Хоть ты тресни, хоть лоб расколоти об асфальт, хоть разбей бинокль, две радиостанции и намотай себе вокруг шеи фрагмент колючей проволоки. Не переворачиваются.

Слава, профессорский сынок, буркнул:

– Зараза, что этажом ниже, ездит на джипе. У него твой клиренс выше пупа!

– Вот джип, – согласился Дмитрий, – положить на бок можно. И нужно бы, да есть одно «но». Резина... Современной внедорожной резине плевать на любые проколы. А если взять эти навороченные внедорожники, то там ламинированная резина, ее и зубами не прогрызешь. Ну да ладно, что это я вас так? Как ты сказал, метнешь клок колючей проволоки? Ладно, берем не простую проволоку, а что-то особое... Или особенное, как хочешь. Ну, созданное в особой лаборатории по спецзаказу. Чтоб не гнулось, не ломалось...

– Да пошел ты...

Дмитрий улыбнулся:

– Хороший ответ. Исчерпывающий! Значит, так. Значит, метаем свою особо прочную колючку под коляску джигита. Конечно, не на шоссе, там восемь полос, а тебе надо, чтоб две, не больше. И так, швыряешь... ну, метров с двух-трех. Промахнулся? Сто-о-о-оп! Повтор, первый бросок не засчитывается. Джигит, сдай-ка назад и повтори маневр. На бис. Ага, попал! Точно под переднее колесо, а главное, под одно. Легированные шипы с наслаждением впиваются в мягкую, теплую, как женское тело, резину, протыкают тонкий слой, погружаются в прогретый, воняющий тальком сумрак внутриколесного пространства. И что? Да ни фиги! Точно так же они из этого сумрака вылезают, отброшенные центробежной силой вращения колес, отлетают далеко за обочину. Ну, если джигит заметит, то остановит машину, выйдет к тебе разбираться. Или на бабки ставить.

Филипп нахмурился:

– Да ладно тебе... Я сам могу с кем угодно разобраться. А почему машина не летит кувырком?

– А теперь везде бескамерная резина. Тут же запирает любые пробойны.

Филипп поморщился:

– Все равно свистишь. Я хоть не служил в тех местах, где служил ты, но знаю, что существует спецсредства «Еж» и «Скорпион» для принудительной остановки автомобилей! Значит, работает системка-то!

Дмитрий рассмеялся:

– А вот фигушки... «Еж» не колючка, а металлический трак! Там трубочки с отверстием примерно в 8–9 миллиметров. Трубочки срезаны наискось и надеты на специальные выступы в траке. Надеты не намертво, а так, чтобы легко отрывались от трака, оставаясь в колесе. Трубочки пробивают колесо, остаются в резине, и через них почти моментально вылетает весь воздух. Иначе ничего не выйдет. Увы, Филипп! Даже «Ежом» не перевернешь

автомобильчик. Иначе киллеры уже давно перестали бы использовать автоматы, а перешли бы на более дешевую, простую в переноске «колючку». А ведь таскают АКСУ, АКС и АКМ, которые так не любит Слава. А ведь трудно, жутко трудно таскать эти пушки по городу, но таскают... Потому как по точности, скорострельности, мощности и цене они им наиболее симпатичны. Как профессионалам. А быстро-сборно-разборно-офигительные придамбасы оставляют теоретикам и Джеймсу Бонду. Хотя то, что ты использовал блокиратор затвора (я бы до такого изврата просто не додумался) и длинный патрон, действительно увеличивает дульную энергию настолько, что пробивание бронированной двери становится возможным... Словом, где-то ты идешь верно, но все равно, убей меня, все равно не пойму, как это может повисить авторитет попов!

– Я не поп, – огрызнулся Филипп.

– Ну священников, – поправился Дмитрий.

– Я не священник! – заорал Филипп. Он выкатил глаза, грохнул по столу огромным кулаком. – Я богослов!.. Богослов, понятно?.. Бо-го-слов!!!

Дмитрий отодвинулся, двумя руками удерживал подпрыгивающую кружку, в то время как Филипп мерно колотил по столу, расчлняя слова для доходчивости.

Слава сказал примиряюще:

– Филипп, не кипятись... Не видишь, он нарочно тебя заводит. Наверное, пиво кончается. Мне до лампочки, как ты себя называешь. Лишь бы не гомосексом, этих гадов я все равно не приму за людей.

Дмитрий усмехнулся:

– Неужели за свою долгую жизнь тебе уже тридцать есть?.. Ого, тридцать два, так и не трахнул ни одного мужика? Ни в жизнь не поверю!

Слава поморщился, глаза стали серьезными:

– Это другое дело. Я и срать хожу в туалет каждый день, но не кричу об этом на улице. И даже делаю вид, что вообще только ручки хожу мыть и ничего больше... А вот с гомосеками и катакомбниками... Филипп, не бей, это я пошутил неудачно. Все равно для меня любое православие... гм...

Филипп рывком встал, лицо белое, перекошенное, в глазах ярость. Метнулся к холодильнику, открыл дверцу так, что чуть не слетела с петель, а холодильник чуть отодвинулся от стены. Долго шарил, Дмитрий и Слава видели только широкую спину, Филипп явно выдыхает злость, затем оба услышали раздраженный голос молодого богослова:

– Пиво есть, это рыба кончилась!.. Вот и злится.

Дмитрий сказал торопливо:

– Там икра в черной банке.

– Это? – спросил Филипп недоверчиво. – Ого!.. Не подумал бы.

– Тащи, – велел Дмитрий. – Как раз просолилась.

Филипп с осторожностью поставил на стол трехлитровую банку с черной икрой. Слава засуетился, большой ложкой выгреб на тарелку, вопросительно взглянул на Дмитрия. Тот кивнул, Слава добавил еще, получилось с горкой.

Филипп все еще с недоверием взял руками маленький комочек, отправил в рот, пожевал, глаза прищурились. Слава неотрывно смотрел в рот, громко сглотнул.

– Просолилась, – сказал наконец Филипп. – Можно бы еще соли чуток... но и так хорошо. Везет тебе, Дима! Связи с браконьерами – это не всегда плохо.

– Налегайте, – ответил Дмитрий. – Хоть и не таранька, но какую гадость не станешь жрать под пиво?

Филипп и Слава засмеялись, а Дмитрий отводил глаза, стараясь не видеть ни голодных глаз Славы, ни его выступающих под ветхой рубашкой острых лопаток. На самом деле эта икра из валютного магазина, приготовлена лучшими поварами и мастерами. Он купил за

баксы, затем вскрыл банки и переложил в трехлитровую стеклянную, поддерживая легенду, что покупает по дешевке краденую икру у браконьеров, сам умело солит и добавляет специи...

– Да, – сказал Слава. – Да... Ты соли в следующий раз клади больше. А то после тараньки эта икра и вовсе как несоленая...

Дмитрий вытащил из холодильника еще по бутылке, а на освобожденные места поставил теплое пиво из ящика под кроватью. Друзья медленно работали ложками, деликатничали, все-таки черная икра немалые деньги стоит, хоть и у браконьеров купленная, ее на бутерброды тонким слоем даже в ресторанах намазывают, а тут ложками, да еще столовыми...

– Мы, – сказал вдруг Филипп с нажимом, ложка остановилась на полпути, – мы – катакомбники! Катакомбная церковь. Истинно православная. Именно мы – православные, а не эта... официальная, угодная власти, лакейская, растерявшая все идеалы и чистоту православия!..

– Ты ешь-ешь, – посоветовал Слава, его ложка двигалась, как шатл, от тарелки ко рту и обратно. – Теперь любое православие в глубокой дупе. Хоть официальное, хоть неофициальное. Видел, какую мечеть заканчивают на Манежной площади? Кранты твоему православию.

– Пока жива катакомбная, – отрезал Филипп, – не кранты!.. А она жива, пока живы мы.

– Ну и что? – спросил Дмитрий горько. – Мы все живы. А Россия умирает.

– Потому что вера мертва! А мы ее оживим!

Дмитрий отмахнулся:

– Все равно христианство придумали жида. Христос тоже жид. А что, ариец? Ни фига... Сами они по своей религии равны богу, даже шапок в синагоге не снимают, а вот для нас придумали: рабы! Господни рабы, божьи рабы, хозяйские, сталинские... В России-то и погромов никогда настоящих не было! Таких, чтобы с резней, кровью...

– А на твоей гребаной Украине? – спросил Филипп раздраженно.

– На моей Украине, – ответил Дмитрий медленно, мечтательно. – Украина – это не лапотная Россия, где могли только в морду дать да, ворвавшись в дом, подушки разорвать! На Украине евреев при каждом восстании вырезали дочиста. Когда проходили казаки Павлюка, Наливайко – на Украине не оставалось ни одного живого иудея. Хотя знают больше только Хмельницкого, который иудеев не просто велел вырезать, но и казнил люто. А Петлюра, Бандера?.. Эх, были славные времена...

– Да, – вздохнул Слава, – теперь ихняя власть...

В тишине слышно было, как с бульканьем переливаются в стакан остатки пива. Телевизор включен, по экрану беззвучно метались мордатые игроки с выпученными глазами, все рассчитывали за крышечку от кока-колы попасть в Голливуд.

Дмитрий разгребал гору шелухи в поисках недогрызенного хрящика, поглядывал на приунывших друзей. Они все трое были «центровыми», так в Москве и пригородах звали тех, кому посчастливилось родиться внутри Садового кольца. Но если до перестройки сынок министра почти не отличался от сына слесаря, по крайней мере – внешне, то теперь именно в Центре был жуткий контраст между роскошью и нищетой.

Как известно, Центр – это по большей мере коммуналки с множеством комнат и гигантскими кухнями. Большую часть новые русские уже выкупили, щедро отдавая взамен одной такой квартиры десяток крохотных на окраине, расселяя все равно недовольных, хоть и согласных центровиков.

В таких квартирах тут же затевался евроукраинский ремонт, то есть ремонт по европейским стандартам силами арбайтеров с Украины, на импортных машинах подвозили дра-

гоценный мрамор, мореный дуб, прочие ценности, и вскоре такие квартиры роскошью и богатством затмевали те, в которых живут мультимиллионеры западных стран.

Но в море таких квартир оставались островки, где жильцы то ли проявляли непомерные аппетиты, то ли просто не желали покидать именно эту квартиру: воспоминания детства, то да се, а запугать или перебить уже шансов не оставалось: успели написать заявления во все инстанции, за ними следили – от общества по уходу за престарелыми до всемогущего мэра, который опомнился и уже не собирался выпускать из рук эти лакомые куски.

Филипп жил как раз в такой квартире: восемь комнат, каждая с зал, кухня – двадцать пять метров, в ванной можно устроить бассейн, черный ход для прислуги прямо на кухню, две просторные кладовки. Правда, в каждой комнате по семье, а в двух не по одной, но все-таки почти все желали оставаться в Центре. Готов был переехать на окраину только один престарелый пенсионер, но и он не доставал соседей, требуя согласиться. Да еще пара семей соглашалась покинуть эту квартиру, если им предоставят по трехкомнатной... и обязательно тоже в Центре.

У него комната самая крохотная: двадцать один метр с чем-то, живет один, это Дмитрию повезло с двухкомнатной, добротной, хотя почти в таком же доме, где коммуналок было еще больше. Чем он занимается, не знали даже друзья, но у него всегда в холодильнике пиво, всегда запас тараньки, обычно одна-две банки с черной икрой, которую покупает на рынке.

Глава 5

Филипп вдруг вскочил, знаками велел всем замолчать. Пальцы нашарили пульт, звук от телевизора пошел громче. Импозантный диктор, который имитирует умного, раскатисто вещал крупным планом:

– Сенат США принял решение в условиях тяжелого состояния России помочь ей в охране уникального озера Байкал. Байкал, как известно, является самым глубоководным озером. В нем сосредоточено... сосредоточено... гм... в нем воды намного больше, чем, к примеру, в Каспийском море! Байкальская вода является уникальной по составу, недаром ее продают в лучших магазинах Москвы, поставки от фирмы «Асс-соль», в озере живут уникальные виды рыб, что не встречаются нигде в мире и на планете тоже... Но сейчас над Байкалом нависла угроза полного уничтожения ввиду ввода в полную мощность гигантского бумкомбината. Он уже отравил промышленными и прочими отходами почти половину вод, а теперь...

Дмитрий слушал, задержав дыхание и не веря своим ушам. А голос гремел обличающе и грозно:

– ...осознавая, что планета принадлежит всему человечеству, то есть всем людям, мы должны приходить на помощь тем, кто в ней нуждается, даже если тот не просит! Озеро Байкал нуждается в немедленных мерах по спасению воды и рыб. Правительство России сейчас занято более неотложными проблемами: накормить народ, дать им работу, наладить промышленность, выплатить зарплату, пенсии и долги. В этих условиях Сенат принял решение послать американских специалистов, которые остановят загрязнение вод уникального озера, возьмут под охрану запасы уникальных рыб, а как компенсация по поводу остановки бумкомбината уже есть договоренность с правительством Финляндии. Сейчас к границе с Россией направлены эшелоны с бумагой, которая превосходит по качеству выпускаемую на Байкальском бумкомбинате. Эта бумага предоставлена безвозмездно, как помощь русскому народу...

– Вот оно, – сказал Филипп мертвым голосом, – начинается. Не удалось им спихнуть власть силой, пробуют взять Россию по частям...

Дмитрий рыкнул люто:

– А полы им помыть не надо?

Слава сказал тоскливо:

– Эх, до чего же у нас самая не коллективистская страна!.. Ежели один на один, то любого бьем... как вон в шахматах, когда у тебя и противника одна доска и одни фигуры, но когда собраться группой... Потому и автомобили не можем делать, их никакой Левша в одиночку не соберет, потому и черных не можем выгнать, что они всегда помогают друг другу, а мы...

Филипп поморщился:

– Да мне плевать на все коллективы. Я – волк-одиночка!

– В коллективе бы проще, – сказал Слава мечтательно. – Чтобы кто-то прикрыл тебе спину...

– Одеялком укрыл, сопельки подтер, – издевательски протянул Филипп. Он медленно поднялся из-за стола, чуть грузноватый, но по уши налитый веселой силой, что искала выхода. – Нет уж, зато не погибнешь из-за дурачества напарника.

Дмитрий проводил их до прихожей, закрыл на два поворота ключа металлическую дверь и даже поглядел в «глазок», как оба удаляются по длинному коридору к лифту: сгорбленный Слава и нарочито вызывающий Филипп, такого тоже стараются не замечать, а когда вернулся в комнату, по нервам ударил разряд электрического тока.

За его столом по-хозяйски расположился чужой человек.

Машина с желтым дипломатическим номером посольства Англии неслась, лихо подрезая иномарки с той же небрежностью, как и дряхлые шестерки. Инспектор ГАИ Воробьев поморщился, хотел было отвернуться с безнадежностью: иностранец, да еще дипломат! Тут уж ничего не попишешь. Они все ведут себя как в завоеванной стране...

Уже отворачивался, но еще видел, как машина на полной скорости пронеслась через «зебру», молодежь шарахнулась в стороны, левое крыло задело женщину. Ее отшвырнуло, как пучок тряпок, в воздух взвились две полиэтиленовые сумки, разлетелись пучки редиски, яблоки...

Машина так же стремительно и победно уносилась по Садовому. Воробьев торопливо схватился за рацию:

– Сергей, Сергей, в твою сторону идет голубой мерс с дипномером Англии. Останови!

В радию через треск и помехи прорвался унылый голос:

– Дипломат?.. А может, пусть едет, на хрен?.. Все равно ни хрена...

– Останови! – заорал Воробьев. – Он только что совершил дэтэпэ!.. Убил, наверное!

Торопливо прыгнул в машину и, включив мигалку дрожащими пальцами, ухватился за руль. Напарник, что дремал на соседнем сиденье, испуганно вздрогнул, вытаращил глаза:

– Что? А? Куды?

– На Кудыкину гору, – объяснил Воробьев со злостью. – «Скорую» вызови!

Машины неслись справа и слева равнодушные, как роботы. Почти никто дорогу не уступал, инспекцию нигде не любят, а в России еще и ни в грош не ставят, Воробьев высывался из окна, орал, и тогда водители, словно только сейчас заметив это надоедливое насекомое с красным от гнева лицом и орущей мигалкой на крыше, нехотя и брезгливо отодвигались.

Впереди показался пост Сергея Дубова, бывшего сокурсника по милицейской школе. Тот издали развел руками, лицо виноватое, что-то прокричал, но Воробьев прибавил газу и промчался как торпеда мимо. До следующего поста еще надо добраться, он торопливо ухватил рацию, предупредил следующий пост ГАИ. Там старик Бобрищев, тоже вряд ли остановит, до пенсии тянет, скандалов избегает...

Проскочил два светофора, впереди наметилась пробка. Сердце стиснулось, опять упустили сволочь, ну что за жизнь подлейшая, тут без зарплаты, на унижительных поборах, а эта тварь людей давит и уходит...

Сбрасывая скорость, увидел голубой мерс, дергается взад-вперед, пытаюсь вырулить, выбраться, а водители, высунувшись из окон, люто орут и крутят у виска пальцами.

Инспектор ГАИ Бобрищев, осунувшийся и вялый, уже пробирался к голубому мерсу. Честный и угрюмый служака, взятки берет по минимуму, мелких нарушителей даже не штрафует, но жизнь научила с сильными не бороться, себе дорожке. Сейчас остановить – остановил, но помощи от него не жди...

Воробьев выскочил, пробежал к голубому мерсу, козырнул:

– Инспектор ГАИ Воробьев. Попрошу ваши документы!

Из машин высывались водители, Воробьев слышал, как они спрашивали у Бобрищева:

– Ну что, можно ехать?

– Теперь все?

Бобрищев объяснил Воробьеву:

– Я попросил их перекрыть дорогу. У нас же не Штаты, чтоб собственными трейлерами в считанные минуты...

Воробьев умоляюще попросил водителей:

– Ребята, задержитесь еще на пару минут. Надо! Если этот гад газанет, пиши пропало. Посольство уже близко. Оттуда не достать. Он женщину сбил!

Водитель мерса, крепкий мужчина средних лет, с небрежной улыбкой подал поверх чуть приспущенного стекла документы. Это выглядело, как будто дал чаевые слуге-негру из племени мамбо-юмбо.

Воробьев отступил на шаг, оглядел крыло. Ни малейших следов, ни царапины, словно крыло бронированное. Возможно, и в самом деле даже пуля не оставит царапины.

– Павел Семенович, – попросил он Бобрищева, – проверь пока этого господина на алкоголь.

Документы в порядке, еще бы не в порядке, Воробьев чувствовал беспомощную злость и тянущую пустоту в желудке. Все бесполезно. Сейчас прибудут из посольства, скажут, что это провокация, женщина сама бросилась под колеса, сотрудник посольства ни в чем не виноват и скажут еще с наглой усмешечкой, что вообще посольство Англии заявит ноту протеста, а наглых сотрудников ГАИ, посмеявшихся так бесцеремонно остановить англичанина – самого англичанина! – непременно накажут по всей строгости...

Водители уже выходили из машин, возбужденно галдели. Кто-то все же уехал, остальные сбивались в группки, зло и с той же бессильной яростью, так знакомой каждому русскому, бубнили о высшей расе иностранцев, что ведут себя как в завоеванной стране и ставят всех на четыре кости, как хотят и кого хотят...

Воробьев бросил зло:

– Ставят, потому что становимся!.. Семеныч, что с алкоголем?

Бобрищев развел руками:

– Отказывается. А задержать не можем, у него дипломатическая неприкосновенность.

Воробьев сказал глухо:

– Спасибо, что помог. Ладно, иди.

Бобрищев с великим облегчением спрятал трубочку и поспешно удалился. Водители галдели громче, смотрели зло, но уже так же обреченно и безнадежно, как и старый опытный гаишник. Кто-то громко и яростно лаял беспомощную власть, правительство, мудаков в Кремле и в Думе.

Воробьева взорвало:

– Да, беспомощные!.. Что мы можем? Ну задержим еще на десять минут, пока причитается какая-нибудь шлюха из их посольства. Еще и виноват буду! А ему даже пальчиком не погрозят! Ведь всего лишь русскую женщину сбил, не англичанку... Эх, мать-перемать! Я сейчас схожу к своей машине, мегафон нужен, а вы тут не убирайте машины, поняли?.. Вы все поняли?

Он повернулся и пошел к своей машине. Напарник, похоже, дремлет или балдеет от радио, даже рожу не высунул поинтересоваться. Да и что интересоваться, когда все предсказуемо, все уже повторяется с такой регулярностью, что впору с балкона бросаться...

Он был уже возле машины, когда далеко за спиной раздался звон разбитого стекла. Трое мужиков окружили машину иностранца, она вздрагивала под их ударами. Лобовое стекло покрылось белыми трещинами. Мужик остервенело рубил монтировкой, но стекло хоть бы хны, держалось, только все больше белело, будто посыпали мукой.

Подбежали еще двое, один совсем подросток, попытались открыть дверцу. Один тут же улетел, отброшенный могучим ударом в переносицу. Спины закрыли от Воробьева драку, он старался смотреть искоса, краем глаза, а сам замедленными движениями нагнулся к окну, протянул руку и начал шарить по пустому сиденью.

Напарник вздрогнул, снова смотрел вытаращенными глазами:

– Ты чо?.. Зеленых чертиков ловишь?

– Помоги, – ответил Воробьев, – вон один у тебя по рукаву бежит...

Напарник, принимая шутку, начал с отвращением хватать за крохотные хвостики и сбрасывать под ноги, но насторожился, высунул голову в окно:

– Ого! Что там за шум?

– Ты сиди, – предложил Воробьев. – Я пойду разберусь.

– Давай, – согласился напарник с облегчением. – А то я какой-то сегодня усталый.

Тут же задремал, а Воробьев с дурацким мегафоном, надо же взять, неспешно отправился обратно. Толпа распалась на миг, теперь там в растерзанной рубашке вертелся англичанин. Водители разлетались под его ударами, как кегли.

Воробьев услышал чей-то возмущенный вопль:

– Так он еще и каратист?

– Ах, падла!..

– Ну, тогда не взыщи...

Воробьев замедлил шаг еще больше. Двое водителей с разбитыми рожами отступили к машинам. В одной женщина с криком бросилась вытирать своему платком лицо, мужчина грубо отшвырнул ее на сиденье, в руке появилась монтировка, и уже как бык бросился в драку.

Англичанин как чуял, повернулся вовремя, успел встретить блоком, монтировка вылетела из рук, а водитель, с разбитым в кровь лицом еще сильнее, упал навзничь под ноги нападающим.

Воробьев уже собирался вмешаться, как вдруг еще один шархнул англичанина монтировкой сзади. Метил в голову, но попал в плечо. Среди криков и ругани Воробьев отчетливо услышал хруст костей.

Рука англичанина повисла. Он ухитрился одной левой сшибить еще двоих. Дорогу к машине загродили двое подростков, с упоением громили ее железными прутьями, а монтировки появились сразу у троих автовладельцев...

Глава 6

За час до неприятного момента на дороге, когда он сбил какую-то туземку, Питер Холтштейн, третий секретарь посольства, вышел из здания в самом приподнятом настроении. Ему предстояло ехать в Шереметьево встречать Херберта, который должен передать ему кое-что, что пока нельзя доверить ни Интернету, ни даже засекреченным каналам. Все-таки дипломатическая почта пока что является самым надежным средством связи. После чего он должен отбыть в Англию, где ждет повышение, двойное жалование...

Машина неслась, как ласточка над водой, все удовольствие от поездки портило только то, что дороги в Москве в самом деле как волны: машину встряхивает, руль дергается из стороны в сторону, это раздражало, а от презрения к жалким русским, даже дороги не могут сделать как следует, он готов был давить их к русской чертовой матери.

Он всегда нарушал их жалкие правила, ибо белый человек – есть белый человек, это сахиб, который сам устанавливает правила, а жалкие туземцы должны следовать им. Сам же сахиб выше этих правил. Правда, туземцы это понимают по своей рабской натуре. За все время службы в Москве, а это пятнадцать лет, его ни разу еще не останавливал патруль ГАИ!

Не раз он видел, как далеко на дорогу выходил их сотрудник, вот-вот царственно шевельнет полосатым жезлом, веля припарковаться к бордюру, но, увидев желтую железку с дипломатическими номерами, поспешно брал под козырек и отступал. В последнее время, правда, под козырек не берут, но останавливать по-прежнему не решаются.

Сегодня он гнал, превышая скорость, нарушая правила обгона, подрезая, проскакивая на желтый, а то и вовсе красный свет, чувствуя себя лихим и могучим сверхчеловеком в жалкой стране трусов. Из обгоняемых машин на него бросали злобно-трусливые взгляды, дважды услышал даже оскорбительный выкрик, один раз нарочито снизил скорость, дал с собой поравняться и очень внимательно посмотрел на мужика, осмелившегося гавкнуть что-то невнятное.

Он видел, как краска сползла с толстой рожи, как мужик вцепился в баранку и смотрел перед собой неотрывно, страхась взглянуть на *иностранца*. Жена русского, что сидела рядом, бросала на иностранца трусливо-умоляющие взгляды.

– Я тебя поставлю, – сказал Холтштейн громко и уверенно, – тебя и твою жену, козел! Понял?.. И буду трахать, сколько захочу.

Он захохотал, наслаждаясь силой и уверенностью, газанул до упора, его вдавило в сиденье, а машина, как ракета, ринулась вперед по трассе, оставляя жалких русских в хвосте.

Когда его машина кого-то задела, он даже не прибавил газу. За все годы только трижды совершал наезды, но задерживали только раз, да и то сотрудники посольства обвинили власти в преднамеренной провокации. Правда, в посольстве ему напомнили, что даже туземные правила соблюдать желательно, ибо – ха-ха! – по возвращении в Англию придется туго, там будут штрафовать на каждом шагу, а за наезд угодит за решетку. Но слова есть слова: они должны такое сказать, а он обязан выслушать и даже кивнуть.

На следующем посту гаишник вышел на дорогу и сделал вялый знак остановки. Холтштейн усмехнулся, прибавил газу и пронесся так близко, что туземец вынужденно отпрыгнул.

Дорога изгибалась, впереди начала образовываться пробка. Он перешел из левого края на соседнюю полосу, начал срезать у менее расторопных, шел круто, лихо, проскакивая в миллиметре под носом этих туземцев, но впереди машины уже встали сплошной стеной.

Наливаясь раздражением, он смотрел, как подошли эти тупые инспектора, бессильно полистали его удостоверение, один тут же ушел, безнадежно махнул рукой, второй пытается задержать, дурак набитый, тупица, кретин...

Он смотрел в зеркальце, как тот вразвалку, как беременная утка, вернулся к своей машине, влез до половины в открытое окно, выставив широкий зад, что-то шарил, в славянской тупости пытаюсь вспомнить, что же хотел взять...

Звон стекла заставил вздрогнуть. Машину окружили водители соседних машин. Один разбил зеркальце длинным гаечным ключом, еще двое попытались достать его через открытое стекло дверцы. Холтштейн с холодным отвращением смотрел на их потные немые руки, молниеносно ухватил одного за кисть и ударил о край, с наслаждением слыша, как хрустнуло, второй только успел открыть рот для ругани, как другой рукой Холтштейн врезал ему прямо в переносицу.

Потом он не мог вспомнить, сам ли выскочил из машины, пытаюсь остановить хулиганов, что калечили машину, били по стеклам, срывали антенну, брызговики, щетки, или же его выволокли. Помнил освежающую ярость, когда начал бить прицельно, мощно. Эти ублюдки разлетались, как зайцы под ударами лап британского льва, потом плечо ожгло такой острой болью, что взвыл...

...и разом протрезвел. Его окружали озверелые орущие люди. У всех в руках монтировки, гаечные ключи, обрезки труб. Он вскинул руки, защищаясь от ударов, но поднялась только одна рука. Сзади со сладострастным хаканьем ударили по печени. Свет померк в глазах, боль была дикая, режущая.

Внезапно увидел, как во втором ряду выскочила высокая, очень стройная женщина. Молодая, с высокой грудью, длинные рыжие волосы – она помчалась в сторону драки, толкая и расшвыривая зевак.

У него мелькнула суматошная мысль, что вот наконец-то пришло спасение, успел увидеть, как женщина быстро и грациозно нагнулась, а когда выпрямилась, в ее руке была изящная модная туфелька.

И последнее, что успел запомнить, это длинный острый каблук-шпилька, что надвинулся на него с огромной скоростью.

Воробьев подошел сзади, крикнул:

– Что за шум?.. Э, вы что это такое делаете?.. А ну прекратите это немедленно!

Англичанин лежал на асфальте, его пинали ногами, били под ребра, голова его бесильно моталась. То, что он этим русским свиньям молча выказывал все пятнадцать лет, они вернули, уложив в пять минут. Красивая женщина, похожая на фотомоделю, торопливо воткнула изящную ступню в туфельку, стала ростом еще выше и красивее, в самом деле фотомоделю или манекенщица класса люкс.

– Он хотел убежать! – сказала она с вызовом. – Мы только задержали для вас!

– Спасибо, – ответил он саркастически. – А теперь все убирайтесь!.. Вот едет их консул. Сейчас начнется...

Всех как ветром сдуло, попятились, он слышал, как хлопают дверцы, взрываются моторы. Фотомоделю тоже отступила, а Воробьев с брезгливостью наклонился к пострадавшему. Похоже, что этот мужик с залитым кровью лицом в самом деле непрост. Хоть погон и не носит, но как дрался, как дрался! Сперва изображал просто разъяренного хозяина шикарной тачки, но потом, когда пошли с монтировками, вдруг превратился в умелого командос. Если бы не шарахнули сзади монтажкой...

Краем глаза видел, как вдали остановилась роскошная машина, торопливо бросил в рацию насчет «Скорой помощи», вытащил из машины аптечку и принялся со славянской неспешностью, какой ее изображают карикатуристы на Западе, останавливать кровь из разбитой головы.

Сзади простучали каблучки. Он решил было, что вернулась фотомоделю, но к нему подбежала сухощавая и длинноногая женщина, бледная и сухая, как вобла, с короткой стрижкой.

– Что случилось? – воскликнула она с сильным британским акцентом.

– Не волнуйтесь, – ответил он участливо, – я уже вызвал «Скорую помощь». Вот-вот придут. У нас все быстро, вы же знаете.

Она присела на корточки перед водителем. Под ним уже натекла изрядная лужа крови. Похоже, открытые переломы были не только в ключице. Воробьев дал ей наштагерь, она скривилась, сунула пострадавшему под нос:

– Питер, Питер!.. Ты меня слышишь?

Разбитые губы зашевелились, веки задергались, и тут у Воробьева перехватило дыхание. Правая глазница заполнена вязкой слизью пополам с кровью, ох эти острые каблучки манекенщиц, тут уж никакие хирурги не помогут, это не переломанные ребра...

– Хр... хр... – вырвалось из разбитого горла, затем Воробьев услышал слова, которые не понял, но женщина напряглась, взгляд метнулся к маленьким часикам на руке.

Воробьев предложил с готовностью:

– Если хотите, я могу отвезти в больницу на своей машине. Мы, знаете ли, всегда помогаем иностранцам. Дружба народов, знаете ли!

Сквозь сочувствующий тон прорывались ликующие нотки. Женщина взглянула остро:

– Конечно же, вы не записали номера бандитов?

– Что вы, – оскорбился он. – Для нас главное – человек! Как я мог терять драгоценные минуты, когда человек поскользнулся и упал, так сильно ударившись головой о машину, а потом и об асфальт!

Она несколько мгновений смотрела ему в глаза, он ответил таким же откровенным взглядом: скоро ваша власть, сволочи, кончится. Скоро всех вас без всякой жалости. Слишком долго верили в ваши лозунги о гуманизме. Здесь не Индия, где вы боговали сто лет.

Он смотрел, как она, полуотвернувшись, бросила несколько слов по сотовому, он понял, что называют числа и цифры, а женщина ухватила пострадавшего за руку:

– Питер, потерпи чуть!.. Сейчас будем на месте. Эй, помогите же втащить в машину.

Воробьев, пачкаясь в крови, подхватил избитого, начал заталкивать в машину. Женщина крикнула раздраженно:

– Не в эту, идиот!

Воробьев в самом деле ощутил себя идиотом, машина дипломата искорежена так, словно по ней лупили рельсами, лобовое стекло все-таки раскрошили, даже передние шины прокололи, черт бы их побрал... но вообще-то, если не для печати и рапорта, то молодцы.

Женщина поддерживала Питеру голову, Воробьев дотащил до ее машины, здоровый же мужик этот Питер, одни тугие мышцы, такой выживет с разбитой печенью и отбитыми почками, вот только целиться придется учиться левым глазом: привет из России!

Искалеченного уложили на заднее сиденье, женщина торопливо села за руль. Воробьев крикнул укоризненно:

– Вы бы подождали!.. Сейчас придёт «Скорая». У нас медицина бесплатная...

Машина ревнула и сорвалась с места. Воробьев счастливо смотрел вслед. Хоть и не по инструкции действовал, но незримые ангелы, звякая мечами и милицейскими бляхами, хлопали по плечам и говорили, что сегодня вел себя достойно, правильно, и хотя на ужин по-прежнему только картошка, сдобренная жидким подсолнечным маслом, но заснет счастливым и почти сытым.

Да, за его столом сидел крепкий матерый волчара. Правда, стул для себя придвинул другой. Ни один понимающий, к кому идет, профессионал не сядет на стул хозяина. Может и ножка отломиться, грохнешься, не успев выхватить пистолет, можешь просто прилипнуть к сиденью, а то не заметишь аккуратно покрашенный пропил...

Из расстегнутого ворота рубашки выбивались настолько густые рыжие волосы, что пуля запутается, как пчела. Он походил на трехгранный напильник, такой же прямой, серый, с холодным лицом и резкими гранями. Но грудь была широка, а сам он выглядит так, будто его выковали из большого слитка железа.

Он с холодным любопытством рассматривал Дмитрия, тот в самом деле ощущал себя так, словно по дурости сунул два пальца в электрическую розетку. А мысли так и вовсе замесались, как вспугнутые тараканы. Глаза невольно зыркнули на полку, где два швыряльных ножа, на стеллаж с безделушками, среди которых две штучки совсем не так безобидны, как смотрятся, но до них так же далеко, как и до двери.

Окно закрыто, как и дверь на балкон. Как бы ни проник в его комнату этот человек, он сделал это бесшумно и очень быстро. Показательно быстро. Даже окна и балкон прикрыл точно так, как было до вторжения.

Дмитрий кашлянул, проверяя перехваченное страхом горло. Связки работают, он сказал как можно спокойнее, хотя сердце колотилось, как у пойманного зайца:

– Да, круто. Хотя дверь на балкон я вроде бы не запираю.

– Не запираю, – согласился мужчина холодновато. – Но запоры не всегда останавливают.

Голос показался тоже скрежетом напильника, когда тот мерными движениями стачивает металл.

– Но шуму было бы, – возразил Дмитрий. Он старался говорить больше, так удастся что-то узнать о противнике, отвлечь его внимание, расслабить, а к стеллажу всего четыре шага...

– Не обязательно, – сказал мужчина. – Можно открыть даже половинкой спички.

Голос был ровный, холодноватый, с оскорбительной ноткой полного превосходства. Голос человека, настолько хозяина положения, что может позволить себе держаться, как гость, и в ожидании хозяина просто сесть в его кресло. Или в соседнее.

Дмитрий замедленно прошел вдоль комнаты, сел на стул под стеной. Он старался двигаться открыто, руки держал на виду. Кем бы ни был этот гость, но и Дмитрий знал о себе, на что способен, когда загнан в угол.

– Я слушаю вас, – проговорил он тоже ровным голосом.

Незванный гость сидит спокойно, но Дмитрий чувствовал угрозу всеми фибрами тела и души, каждым кровяным шариком. Возможно, его нашли те, кого он уничтожал последние месяцы. В конце концов, у них тоже профессионалы.

– Дмитрий Човен, – сказал мужчина медленно. Его серые глаза без всякого выражения уставились в упор, голос вроде бы даже потеплел. – Сержант ВДВ, подразделение «Альфа», пять поощрений, три награды, два понижения в звании... В третьем коренном выпала пломба... Нехорошо, за зубами следить надо. При ваших-то нынешних заработках!

Дмитрий спросил недружелюбно:

– Что вы знаете о моих заработках?

Мужчина холодно улыбнулся. Их взгляды на несколько мгновений скрестились, в воздухе запахло горящим железом. Дмитрий понимал, о чем речь, и, похоже, этот странный гость знает о нем действительно много. Тогда он все-таки из тех служб, которые сами... ну, которые умеют ножом и пистолетом. И знают расценки. А разброс в расценках немал... Коммерсантик сдуру обычно обращается к «крыше», после чего тут же попадает в кабалу, а платит все больше и больше. Да и заказ в половине случаев не выполняется. Или обращается к случайному человеку, тот же расклад: в половине случаев заказ не выполняют, а если такого «суперкиллера» поймут, тут же сдаст заказчика с потрохами. Зато услуги «крыши» или доморощенных киллеров обходятся всего в 5–10 тысяч долларов. Коммерсанты покруче, да и не только коммерсанты обращаются именно через посредников к авторитетам или вожа-

кам крупных нелегальных структур. После перепроверки самого заказчика ему дают специалиста на ограниченный срок. Это уже 20–50, зато результат почти стопроцентный. Иногда прибегают к услугам, Дмитрий об этом слышал, к услугам террористических организаций. Эти борцы за свободу охотно берутся и за такие дела, зарабатывают неплохо. К примеру, за убийство Улафа Пальме получили два лимона, а за Листьева – четыре. Правда, миллионы получают за «коллекционные» акты, а вообще-то услуги террориста начинаются с 10 тысяч долларов. Это банальный взрыв машины или бронированной двери, офиса или просто бомбы в мусорном ящике. Стрелок – от 30 до 50, снайпер – до 70, но Дмитрий получал и больше, а за работу ножом – от 50 до 200 тысяч.

Кроме того, он ясно видел по глазам этого матерого волка, что тому известны и такие расценки: неохраняемый объект стоит от 5 до 30 тысяч, понятно, в зависимости от его статуса, хотя горла дворника и директора одинаковые, но брать за дворника неловко, как за директора. Если охраняет кто-то из неизвестных, знакомый или родственник, то за такую помеху накидывается еще несколько тысяч, зато если уже охраняют детективы из частного агентства, то заказчик раскошеляется от 20 до 50. Дмитрию приходилось иметь дело с тузами, которых охраняла собственная служба безопасности, а это от 30 до 70 тысяч. Правда, если охрана от МВД, то расценки те же, зато если у объекта профессионально подготовленная государственная охрана из бывшего 9-го управления КГБ, то расценки выполнения заказа взлетают от 50 до 200 тысяч. Выше всего ценится дичь, которую взяла под охрану сама государственная организация, это уже от 100 до 500 тысяч.

– Неплохие заработки, – сказал мужчина с насмешкой. – У нас академики столько не получают. Что скажешь?

Он обращался на «ты», но сейчас это не коробило. Дмитрий ответил так же холодно:

– Академики живут дольше.

Улыбка исчезла мгновенно. На Дмитрия смотрели холодные серые глаза, а губы сдвинулись, обозначив твердые бугорки, словно кожу натянули на каменную глыбу:

– Это верно. Особенно если учесть, что часть работы выполняешь бесплатно. По своей, так сказать, инициативе. Этаким городской Робин Гуд. А почему не скажешь, что заработанные... гм... ладно, заработанные таким образом, отдаешь вдове Коровича и своему другу Болотникову, что в госпитале?

Дмитрий напрягся, кровь бросилась в лицо:

– А вот это не ваше дело.

Мужчина сказал почти поспешно:

– Да я только сказал, что ты поступаешь... ну, непривычно благородно для нынешнего времени. Вдвойне благородно, что не трезвонишь об этом на каждом углу.

Дмитрий подумал, что здесь мужик ляпнул глупость, как же он стал бы трезвонить о своей помощи, если даже валютную икру маскирует под браконьерскую, сказал уже враждебно:

– Вы пришли, чтобы мне рассказывать мою биографию?

Он подобрал под себя ногу, уже зацепил носком за ножку, готовясь метнуть ногой... гость, конечно же, отобьет или увернется, но до полки со швыряльными ножами подать рукой. Что бы там ни рассказывали о сверхчеловеках из ВДВ, но он сам был не последним в «с любых высот в любое место» и знает, что если они и сверхчеловеки, то разве что для хилых очкариков, а не для сержанта-сверхсрочника.

– Напомнить не мешало, – спокойно ответил мужчина. – К твоему послужному списку стоит добавить и невероятную удачливость. Ты одиночка, а таким втройне труднее. И почтовые ящики, через которые работаешь, не спасение...

Дмитрий поинтересовался:

– У вас есть варианты лучше?

Мужчина усмехнулся:

– Ты их знаешь. Работать от криминальных структур. Они предоставляют информацию, выводят на цель, сами доставляют к указанному месту оружие... где ты его попросту бросаешь... Да-да, я знаю, ты стандартным брезгуешь, но зато какая безопасность!.. Нет, тебе просто сказочно везло. Удачливость есть удачливость. В других подразделениях такой графы отбора нет, но в нашем есть.

Дмитрий тут же спросил:

– В вашем?

– Нашем, – отметил мужчина без усмешки. – Где ты недавно попал в поле зрения. Я предлагаю тебе вернуться на службу.

Глава 7

– В ВДВ?

Мужчина ответил с некоторой заминкой:

– Почти. Но покруче.

Внезапно Дмитрий ощутил, что гость давно заметил, как он зацепил ножку стула, но лишь стрельнул глазом, тут же посмотрел ему в глаза. Дмитрий покачал головой:

– Спасибо. Служат только собачки, а я – человек.

– Но ты служил, – напомнил мужчина.

– Все служили, – огрызнулся Дмитрий. Он расслабил сведенные напряжением мышцы, однако ногу не убрал. – С пеленок уже служим... Но как только удалось вырваться, теперь все. Это сволочные сытые твари, что командовали мною только потому, что им папочки из ЦК сумели обеспечить звание повыше того, которое я потом и кровью...

Он скрипнул зубами, кулаки сжались. На миг мелькнула мысль: а что он теряет? Все равно пришел конец. И каким бы ни выглядел этот козел крепким, но еще посмотрим. Мужчина кивнул понимающе, сказал так, словно изучал жука, наколотого на булавку:

– Повышенное стремление к самостоятельности, гордость, неприятие авторитетов... гм... что там еще?... Ну, зуботычину генеральскому сынку пропустим... Повышенная реактивность, импульсивность в принятии решений... Вообще-то отвратительно, но это как раз тебя и спасало... Опять же назовем это удачей.

Дмитрий угрюмо молчал, на этот раз пожал плечами как можно картиннее, стараясь за счет этого движения вместе со стулом придвинуться к шкафу с метательными звездами. Идиоты называют удачей любой успех, причины которого по тупости не понимают, равняя заслуженный успех – результат огромной работы мозга, тщательной подготовки и безукоризненного исполнения – с выпавшей нужной цифрой на бочоночке лото.

– Жаль, – сказал мужчина. – Ты по всем статьям подходил бы нам. Подумай еще раз.

Дмитрий сказал твердо:

– Если я могу отказываться, то – нет!

Мужчина поднялся:

– Как хочешь. Тогда забудем о нашем разговоре.

Дмитрий недоверчиво смотрел, как этот волк, что не должен был выпускать добычу, обронил пару слов, явно кодовых, а микрофон в какой-нибудь из пуговиц, после чего преспокойно направился к двери. По его каменному лицу было видно, что этот бывший десантник вычеркнут из сферы его высоких интересов, есть масса других дел...

– А что вы сказали, – спросил он вдогонку этому здоровяку, – что несколько преждевременно?..

Мужчина от двери оглянулся:

– Да просто тобой уже заинтересовались и другие. Кольцо сжимается. Как бы ты ни маскировался, но от... скажем, выстрела с вон той крыши ты в этой комнате нигде не спрячешься. Мой совет на прощанье... хотя я не имею права этого делать – меняй квартиру уже сегодня. Лучше – прямо сейчас.

Он открыл дверь бесшумно, оглянулся, впервые улыбнувшись почти дружелюбно, старый матерый волк молодому волчонку, переступил порог. Дмитрий слышал, как он прошел по длинному коридору, свернул на площадку, затем донеслось мерное на грани слышимости жужжание всползающего снизу лифта. После долгой паузы щелкнула отжатая кнопка лифта.

Лифт двигался ровно, без остановок, но, когда добрался до первого этажа, звякнул, неспешно раздвинул узкие створки, со стороны лестницы прогремела частая дробь кроссо-

вок. Человек с серебряными висками вышел из кабины лифта, а из боковой двери в вестибюль выбежал Дмитрий.

Брови матерого волка чуть приподнялись, а твердые губы дрогнули в усмешке:

– Решил менять сразу?

– Да, – ответил Дмитрий.

– Нашел куда?

Дмитрий огрызнулся:

– Да вроде бы. На какое-то время.

Не глядя друг на друга, прошли прохладный вестибюль, из-под плотно закрытой двери все равно веет сухим жаром знойного дня, лето в разгаре, Дмитрий ткнул пальцем в черную кнопку возле выходной двери. Пискнуло, седовласый толкнул тяжелую металлическую дверь. Навстречу хлынул свежий резкий воздух с примесью бензина, яркий солнечный свет ударил в глаза.

Двор заставлен машинами жильцов, из-за здания института и трансформаторной будки на приличной скорости выскочил темный мерс с тонированными стеклами. Дмитрий дернулся, сразу все поняв, давно готовился и проигрывал в уме похожие ситуации, в тот же миг услышал негромкий голос:

– Задержись на крыльце. Шнурки, то да се...

Сам гость сбежал с крыльца бодрым петушком, этакий молодящийся мужик, что оглядывается на каждую молодую телку, но живот поверх ремня, шажки коротковаты, задница оттопырена, словно то ли поясница пошаливает, то ли геморрой проснулся...

Мерс выскочил на площадку, круто развернулся. Все четыре двери распахнулись раньше, чем колеса перестали вертеться.

Выскочили трое, но машина медленно вырывается на прямую дорогу, значит – еще один за рулем. Дмитрий, соскочив с крыльца вправо, где впритирку одна к другой застыли сверкающие иномарки, пригнулся и пробежал за спинкой скамейки. Револьвер уже готов к стрельбе: в этой ситуации лучше бы пистолет, и черт с ним, что гильзы разлетятся по асфальту, здесь не до улик, важнее доли секунды и количество патронов...

Он внезапно вынырнул из-за машины, готовый стрелять и получать пули, но выдержать эти горячие удары раскаленного металла в грудь, живот, стрелять и стрелять, пока не полягут эти трое... и если выскочит, а не удерет четвертый, то получит пулю и он...

Возле мерса двое оседали, одинаково хватаясь за кадыки, лица запрокинуты, один уже на спине, ноги конвульсивно дергаются, скребут нестоптанными каблуками асфальт. Седовласый в один немисливо длинный прыжок оказался возле мерса, распахнул дверцу, Дмитрию показалось, будто что-то крикнул, а когда тут же захлопнул дверь и повернулся, Дмитрий уже понимал, что мертв и водитель.

На ходу пряча револьвер в поясную кобуру, он ринулся к своему странному гостю. Тот бросил коротко:

– Через сквер мимо вон той будки. Там серая копейка с номером 085. Садись, ничего не спрашивай.

– Но... чем-то помочь? – спросил он бестолково.

– Выполняй, – бросил седовласый холодно.

Оглянувшись, Дмитрий успел увидеть, как его гость наклонился над мертвыми, сделал движение, будто вырывает у них кадыки. В его пальцах мелькнуло красное, Дмитрий уже обогнул трансформаторную будку, когда в мозгу промелькнуло: черт, как давно не видел эти лавровые листья из цельной пластины. Знаменитые «осы», вес всего сто граммов, но убивают с надежностью танкового снаряда... Вот чем он их обоих так бесшумно. Ну а третьего? А шофера?

За рулем копейки читал газету огромный розовощекий добродушный парень в помятом свитере. Дмитрий зашел с другой стороны, открыл дверь и ввалился на сиденье рядом. Водила не удивился, тут же врубил музыку, начал вертеть баранку с показной лихостью, хотя не забыл проследить, чтобы Дмитрий пристегнулся.

Предупрежден, понял Дмитрий. Вон у него и пейджер, и сотовый, все на виду, а в бардачке, может быть, что-то и покруче.

Водила сразу вырулил со двора, но в окошко заднего обзора посматривал. Впереди шоссе, машина понеслась легко, серая и незаметная, по бокам замелькали роскошные иномарки и блистающие волги. Даже жигули и москвичи блистали, сверкали, победно обгоняли. Если бы Дмитрий был совсем лохом в машинах, так бы и поверил во весь этот маскарад, но он рядом с этим веселым водилой, ноги чувят малейшую вибрацию, слышат оттенки работы двигателя, и хотя не мог бы сказать, от какой машины мотор, но голову дал бы наотрез, что эта копейка обгонит любой мерс, а этот толстячок потому и толстячок, что весь из тугих мускулов. А его неопрятный и бесформенный, растянувшийся свитер таков лишь потому, что лучше всего скрывает накачанные бицепсы, трицепсы и все то, что отличает тренированного бойца от просто крепкого мужика.

Машина сделала замысловатую петлю, на какой-то миг притормозила у самой бровки. Тут же сзади хлопнула дверка, сильный голос буркнул:

– Все. Давай домой.

Матерый развалился на заднем сиденье, ни дать ни взять – скучающий чиновник, которого ежедневно отвозят на работу и с работы на служебной машине. Дмитрий изучал в зеркальце заднего вида лицо этого человека, явно же командира некоего спецподразделения. Вряд ли это группа антитеррора «Альфа» и, уж конечно, не просто ОМОН, не похоже и на «Вымпел» или «Вегу», особый отряд по борьбе с ядерным терроризмом. Хотя бы уже потому, что если в тех структурах стало бы известно о его прошлом... ну, о его недавнем прошлом, когда за крупные деньги от бандитов он отстреливал вожakov других бандитов, то его, скорее всего, попросту бы арестовали – не могут не арестовать, там отчитываются за каждый шаг! – и попробовали бы судить. Если, при их растяпистости и косорукости, собрали бы достаточно улики.

Он вспомнил смутные слухи, ходившие среди элитных командос, о некой глубоко законспирированной части «Звезда», но это, скорее всего, легенда, потому что их старшие офицеры на такие вопросы только с недоумением пожимали плечами.

И сейчас он рискнул спросить:

– Группа «Звезда»?

Седовласый усмехнулся. Дмитрий с холодком понял, что слухи не были выдумкой, что таинственная «Звезда» существует.

– Крутые ребята, – согласился седовласый. – Очень.

– Вы оттуда?

– Нет.

– Жаль, – выдохнул Дмитрий.

– Почему? – поинтересовался седовласый.

– Да так... Интересно. Много о них слышал.

Седовласый усмехнулся:

– То-то и оно, что много. А вот о нас не слышал никто.

Дмитрию показалось, что ослышался:

– А что... есть еще кто-то?

– Есть, – ответил седовласый и добавил со смешком: – Если наш боец не уложит в рукопашном троих из «Звезды», его отправляют обратно в тренировочный лагерь. Кстати, я полковник Ермаков, командир подразделения «Каскад».

Машина вышла на трассу, неслась как стрела, водила умело перестраивалась, протискиваясь вперед, но так же умело перестраивались и другие, машина мчалась, неотличимая от тысяч и тысяч других. Стекла незатемненные, машину видно насквозь, ни один гаишник не остановит. Конечно, если бы остановили, у этих наверняка есть самые разные документы, но лучше же, Дмитрий понимал прекрасно, если никто не останавливает, потому что все-таки взглянет на тебя, а потом на чьи-то вопросы может нарисовать словесный портрет, указать время, место...

– Почему именно я? – спросил он. – И что за «Каскад», никогда не слышал...

Ермаков пропустил вопрос про свое подразделение мимо ушей:

– Ну, скажем, ты не один. Но ты попал в поле зрения не случайно. Во-первых, если уж хочешь быть таким скрытным, нельзя пользоваться Интернетом. Сам понимаешь, что некоторые службы составляют обширные картотеки на все партии, группы, движения, объединения, а также на лидеров, будь это политические деятели, религиозные, культурные или криминальные. Как на своих... то бишь отечественных, так и на иностранных. Скажем коротко, ты попал в наше поле зрения сперва как удачливый исполнитель. Профессионал высокого класса, плюс еще и удачливый. У нас, кстати, на это обращается особое внимание. Что-то не так?

Дмитрий буркнул, удивляясь, как этот полковник заметил его недовольство, ведь не двинул же и единым мускулом:

– Да так... Я считаю, что назвать меня удачливым – это называть дураком.

– Ого! Почему?

– Я все просчитывал. Мне сопутствовал успех, а не удача.

– Ну-ну, – примирительно сказал Ермаков, – если бы тебя искали не те лопухи, твой успех бы тебе не помог... Ладно, когда начали собирать информацию, оказалось, что к тебе не ведут никакие нити!.. Это заинтересовало. Непривычно увидеть в нашем гнилом обществе современного Робин Гуда!

Машина вышла на Окружную дорогу, водила выжал сто сорок, теперь на Кольцевой это привычно, а Дмитрий поглядывал больше на водителя и Ермакова. Так легче понять, куда везут: во Внуково или Быково. Что на аэродром, это понятно, тренировочные лагеря от Москвы всегда далеко, на то свои причины, но по расположению аэродрома тоже что-то можно понять...

Длинными проселочными дорогами они проехали на небольшое открытое пространство. Табличка указывала, что здесь участок Академии сельскохозяйственных наук по выведению морозоустойчивой пшеницы. Дмитрий вяло прикинул, сколько же денег пришлось ухлопать, чтобы убрать ранее проложенное шоссе здесь и проложить поверх эту раздолбанную колею. И сколько в этот момент за ним наблюдает операторов, снимая его в трехмерной проекции, анализируя голос, движения, создавая математические модели, укладывая в память, где даже оперативная исчисляется терабайтами.

На краю поля стояла сиротливо караульная будочка, а чуть дальше – подсобный домик, тоже ветхий, запыленный, еще дальше – деревянное сооружение, называемое где клозетом, где гальюном, а где и вовсе... Запыленный старенький шлагбаум перегораживал колею как в насмешку: рядом земля чистая и твердая, высушенная солнцем, езжай – не хочу. Таковую же видел на полях Бурунди, где на каждый квадратно-гнездовой метр по три мины.

– Сколько там этажей вглубь? – поинтересовался он.

Ермаков взглянул на него смеющимися глазами:

– Это поле в самом деле принадлежит Академии наук. И пшеницу выращивают настоящую. В прошлом году сюда три экскурсии приводили!

Солдат вышел, сонный и что-то жующий, вяло проверил их документы, шлагбаум заскрипел, как несмазанная телега, с великой натугой начал подниматься. Водила медленно проехал к подсобке, остановился, не глуша мотор.

– Выходим, – сообщил Ермаков.

Внутри подсобка выглядела просторнее, чище. Стену подпирали шкафчики для рабочей одежды, пятна мазута на дверках, все привычно, как в любой раздевалке и бытовке для трактористов.

Из-за шкафчиков материализовался крепкий мужчина, загорелый и широкий. Если бы не цепкий взгляд, Дмитрий принял бы его за тракториста, те всегда такие кряжистые, размашистые, привыкшие к тяжести, сопротивлению рычагов, нелегкой работе.

Ермаков кивнул:

– Оставляем этого парня. Помыть, переодеть. За ним прибудут.

Мужчина кивнул, Ермаков повернулся к Дмитрию:

– Еще увидимся!

Через пыльное стекло Дмитрий видел, как он нырнул в машину, та настолько медленно выехала за шлагбаум, словно превышение скорости влечет за собой немедленное уничтожение, затем из-под колес вылетел, как из турельного пулемета, гравий, машина прыгнула, как конь, и понеслась в сторону далекого шоссе.

У него забрали одежду, документы, а после того, как вымылся в душе, почувствовал, что в самом деле словно бы со старой одеждой, потом и грязью снял и часть старой жизни.

Похоже, на этом малом поле садятся и взлетают старенькие самолетки малой авиации. Еще винтомоторные, как-то ухитряющиеся выживать в век рынка. «Тракторист», который назвался просто Василием, предложил вздремнуть. Дмитрий, чуткий к любому подтексту, спорить не стал, растянулся на широкой деревянной лавке, расслабил мышцы и почти сразу под одобрительным взглядом «тракториста» погрузился в чуткий сон, прерываемый фазами глубокого, когда организм за считанные минуты успеваешь выспаться и восстановить силы.

Очнулся от негромкого рокота. Выглянул в окошко, обомлел. Стояла глубокая ночь, на небе пара тусклых звезд едва-едва проглядывает в щели между тучами. На земле полный мрак, а на эту черную землю опускается совершенно вертикально самолет!..

Он выскочил, не дожидаясь, пока позовут, сообразил, что это все-таки вертолет, хотя таких еще не видел, потому и в ночи без опознавательных знаков и без фонарей.

«Тракторист» Василий выступил из темноты. Глаза придирчиво пробежали по молодому парню:

– Поспал? Вот и хорошо. Это была твоя последняя ночь, когда спал вволю.

Сердце колотилось, едва не выпрыгивало из ушей. Он кое-как вскарабкался в салон, больше похожий на внутренности космического корабля. Послышался свист, его вдавило в сиденье, что тут же услужливо прогнулось. Справа блестело широкое стальное кольцо, руки сами нащупали предохранительный ремень, щелкнуло, кабина накренилась, тяжесть вжала с такой силой, что от прилива крови глаза едва не выпучились, как у рака. Он чувствовал, как стучит в голове, смятенно подумал: что же это за штука, что с места рвет с такой скоростью, раньше в десантных войсках ничего похожего не было...

В салоне тусклые лампочки высвечивали еще одиннадцать таких мест. Все пустые. Сердце тревожно стучало, а в душе возник пугающий страх: за того ли его принимают, и гордость: скажи кому, что за ним присылали такой самолет, – кто поверит?

Глава 8

Посадка была такой же пугающе стремительной и страшной. Внезапно воющий свист турбин оборвался, Дмитрий ощутил толчок, потом еще два, и все затихло. Пилот крикнул раздраженно:

– Заснул? Вываливай!

Дмитрий вывалился в кромешную тьму. Сильные руки подхватили и повели по твердой земле. Дмитрий сразу ощутил запахи, а в свете звезд увидел справа и слева высокие фигуры со странными наростами на лице. Сволочи, пользуются очками ночного видения, но и он уже по запахам, по их хватке, по шагам и другим неуловимым мелочам, что лихорадочно анализировало его подсознание, составил их портреты, уже чувствовал, сколько им придется идти, почти точно знал, в какое помещение придут и сколько человек там его ждет.

Дверь отворилась, свет был неяркий, короткий коридор, затем отворилась дверь в обычное помещение, каких полно в любой офицерской каптерке. Руки исчезли с его плеч, Дмитрий невольно повернул голову, посмотрел на сопровождающих.

Как и составил портреты по запахам, шагам, хватке – оба высокие, жилистые, в потертых джинсах, рубашки такие же, кроссовки, простые пояса, облик простых обычных парней...

И все-таки повеяло таким профессионализмом военных, что Дмитрий только крепче стиснул челюсти. Если в армии человек приобретает крепость железа, то эти выглядели так, словно это железо долго ковали в раскаленном виде, бросали в холодную воду, раскаляли и снова ковали, когда в одном и том же объеме помещается металла вдвое больше, а сам он обретает крепость алмаза и гибкость шелкового каната.

Оба, как говорится, шкафы, разве что один похож на шкаф бабушки, а второй на современный. Первый с короткой стрижкой, настолько характерной, что Дмитрий едва не огрызнулся: «Я сам сержант!» Второй явно лучше тренирован, пропорции рукопашного бойца и стрелка из всех видов оружия, чуть лучше одет, выглядит несколько... по-офицерски.

Офицер держался нейтрально, с полнейшим безразличием к новичку, а ко второму Дмитрий присматривался искоса и с опаской. От этого почему-то веяло непонятной угрозой. Огромный, тяжелый, рост почти под два метра, вес за сто двадцать, он говорил таким же огромным голосом, каким огромным был сам. Мышцы развиты, как у культуриста, хотя люди такого роста и веса обычно обзаводятся приличными складками на животе, а этот двигается несолидно быстро и точно, словно из богатыря-гиревика превращается в балерину.

Огромная, абсолютно лысая голова блестела, как валун на берегу моря. Даже венчика волос за ушами не осталось, отчего острые, как у волка, уши выглядели еще страшнее и зловещее. Когда он поворачивал голову в сторону Дмитрия, всякий раз пробегал неприятный холодок по коже. Перебитый в неведомых схватках нос, широкие шрамы на лице, оборванная пулей мочка левого уха – все заставляло биться сердце чаще, но, когда их взгляды встретились, Дмитрий ощутил удар по нервам. Виной ли его чувствительность, но всеми нервами воспринял звериную ярость, что клокочет в этом человеке. Даже сейчас в темных глазах время от времени вспыхивает молния, какую можно видеть далеко на горизонте, когда видишь только вспышку, а раскаты грома еще не докатываются.

Он покосился на второго, тот отвернулся и равнодушно смотрел в темное окно. Тот, который шкаф бабушки, прорычал с полнейшим равнодушием:

– Садись, жди. Меня зовут Тарас.

– Дмитрий, – представился Дмитрий. – Это мое настоящее имя.

Он вопросительно посмотрел на второго. Тот с кислой миной поднес ладонь к виску:

– Валентин Трубецкой. Лейтенант. Вам придется подождать. Наш старший отсутствует, а на майора Волобуева свалилось слишком много. Он будет минут через пять-десять.

– Ничего, – пробормотал Дмитрий. – Я подожду. Пять-десять – это же сказка! Почему не час-другой, как обычно?

Валентин поморщился, а Тарас саркастически улыбнулся:

– Ты ж не считаешь себя обычным?

Дмитрий не нашелся что ответить, а Валентин с некоторой брезгливостью отмахнулся от новичка, как от назойливой мухи:

– Мы все здесь не совсем обычные. Как и любая спецчасть.

В помещении воздух был пропитан как опрятным запахом свежего ружейного масла, так и запахом нестиранных носков, пива, сырого цемента, дерева, кожи, пыли и даже горелого железа. Хотя вдоль стен стояли солдатские койки, но полигоном не пахло.

Дверь хлопнула, через порог шагнул суровый и хмурый парень медведистого типа. При первом взгляде на него Дмитрий ощутил, что этот обладает чудовищной силой, настоящей, природной, а тренировки могут только удесятерить, и что для него убить человека проще, чем убить цыпленка. По правде, он и сам человека убьет с большей охотой, чем цыпленка: тот ни в чем не виноват, а человек, если верить христианству, виновен изначально, но все-таки это он, ему можно, но когда встречаешь еще такого же...

Он повернулся и встретился взглядом с угрюмым Тарасом. По спине пробежали мурашки, вдруг ощутил, что их таких уже не двое, а по крайней мере вот третий. А если вслушаться и вчувствоваться в запахи этой тесной казармы, то волосы встанут дыбом от сознания, что здесь подобраны такие все...

– Майор Волобуев, – рыкнул пришедший. – Ага, новенький... Да-да, Ермаков предупредил... Ну что сидишь? Ребята, заберите его в казарму. Не мое это дело – хозяйство. Ермаков вернется, пусть сам горбатится...

Голос его был грубый, не голос – рев, но Дмитрий ощутил молящую нотку. Тарас откровенно ухмыльнулся, а Валентин сказал почти интеллигентно:

– Мы хотели как правильно. Нельзя же... нарушение субординации!

– Заткни ее, – ответил майор и пояснил, куда и как. Дмитрий напряженно выслушал длинный маршрут с поворотами и эстакадами, развилками и ухабами. – Завтра я посмотрю тебя на полигоне, посмотрю!

Голос был угрожающим. Дмитрий поднялся:

– Спасибо за встречу, ребята. Я даже не ждал такого радушия! Но я бы в самом деле поспал малость. Это лучшее, что я умею.

Утром подъем, обильный завтрак, ему указали на стол, где признал вчерашних Тараса и Валентина. Третьим заправлялся калориями Макс, полного имени Дмитрий не слышал, то ли Максим, то ли Максимилиан, а то и еще что-нибудь круче.

Этому Максиму подали только жареную рыбу с обильно политой маслом гречневой кашей. Тарас хохотнул:

– Фосфор улучшает работу мозга?

– От фосфора только светится, – поправил Валентин.

– Мозг? – удивился Тарас.

Валентин загадочно усмехнулся, смолчал. Его руки виртуозно и аристократически расчленили огромный жареный кусок баранины. Макс ел молча, только двигал бровью, раздвоенной, словно через рощу пролег овраг. Там прятался сизый шрам, Дмитрий поглядывал искоса, но так и не понял происхождения: от пули или ножа...

Макс напоминал ему только что вынырнувшего из воды дельфина или любую другую большую рыбу. А если дельфин не рыба, то тогда акулу, только всегда улыбающуюся акулу.

Его черные волосы блестели и переливались, словно с них постоянно стекает вода, лицо тоже блестело, натертое разными кремами, и сам он казался скользким и мокрым, такой выскользнет из любого захвата.

Почему-то почудилось, что этот наверняка прошел Афган – кто там не был! – но не просто прошел, а прыгал и с низко летящего самолета, и ловил на лету брошенные ножи, выполнял и одиночные миссии. Похоже, что удачлив, шрам через бровь можно не считать, это даже украшение для мужчины. Не только держится щегольски, даже ест жеманно, умело пользуется ножом и вилкой, хоть и не так виртуозно, как Валентин, а о его отглаженные явно им лично стрелки на брюках можно порезаться, как о лезвие опасной бритвы.

Тарас промычал с набитым ртом:

– Макс, это Дмитрий. Дмитрий, это Макс. Он у нас рыбист, а совсем недавно был и вовсе травояд. . . Ну, как называют тех, кто травояд?

– Травоядный, – подсказал Валентин очень серьезно.

– Да нет, – отмахнулся Тарас. – Что-то с сосудистой системой связано. . . Да не с поллитрой, дурень! Другие сосуды. . . черт, забыл. Траво-сосудистые бывают?

Дмитрий подсказал, не уверенный, что разыгрывают, десантники не должны блистать интеллектом:

– Может быть, вегетативно-сосудистые?

– Во-во! – закричал Тарас обрадованно. – И я говорил: вегетативно-сосудные!.. Он был у нас вегетативно-сосудным, а теперь уже рыбист! Еще чуть дождем, вовсе до ядоплодного доползет. . .

– Плодоядного, – поправил Валентин, задумался, сказал с неуверенностью: – Или плодоядного?

Дмитрий наконец сообразил, что разыгрывают, скорее всего, как раз его, ухмыльнулся сконфуженно, дальше ел молча.

В тренировочном зале инструктор оглядел его, как на базаре оценщик осматривает корову, цепким взглядом сразу выделил группы мышц, накачанные гантелями, мышцы, разработанные подтягиванием на канате и лесенке, но особо, как рентгеновскими лучами, пронзил мускулатуру, обретенную в ударах и захватах.

– Я вижу, ты и в мирной жизни, – сказал он неспешно, – не давал себе застывать. . .

– Для кого мирная, – буркнул Дмитрий, – для кого не совсем.

Инструктор кивнул:

– Мы не интересуемся, кто откуда пришел. Давай, парень, посмотрим, что ты умеешь. . .

Он шагнул вперед и протянул руку. Дмитрий мгновенно захватил ее и сделал бросок, отшвырнув инструктора через голову почти на другую сторону зала. Он сам видел, что это чересчур эффектно, лишняя трата сил, но сразу хотел показать, что переподготовка ему ни к чему, достаточно пару дней побывать в тренировочном зале, чтобы освоиться. . .

Инструктор еще в воздухе вывернулся и красиво встал на ноги, словно прилип, лицом к Дмитрию, довольная улыбка на лице:

– Молодец! Силенка есть. А теперь все же посмотрим, что умеешь.

Озадаченный Дмитрий снова попытался сделать бросок, уже жестче, под ноги с добиванием. . . но вместо этого его завертело как в урагане, стены и потолок несколько раз поменялись местами. В спину тяжело ударило всей плоскостью пола. Сверху нависло веселое лицо инструктора:

– Эй, не спи. Хоть попытайся что-то делать.

Дмитрий вскочил, используя одни мышцы спины, йоги это называют левитацией, попробовал нанести удар, но инструктор двигался так, будто жил в другом времени. Дмит-

рий показался себе деревенским увальнем, что бьет с широкого размаха, часто останавливается поплевать на ладони и поправить разорванную рубашу.

Инструктора явно забавляли эти прыжки и нелепые удары, наконец явно заскучал, судя по унылому лицу, Дмитрий ощутил сильнейший удар в грудь, неизвестно откуда пришедший, дыхание перехватило, а инструктор издевательски плавно ткнул его ладонью, и Дмитрий ощутил, как позорно валится на пол.

На этот раз он попытался, прикидываясь смертельно ушибленным, сбить противника ногами. Он знал, что в этом ему не было равных во всем спецподразделении, но сейчас все его умение выглядело, как будто его облачили в тяжелые рыцарские доспехи. Нет, он по-прежнему двигался стремительно и точно, но инструктор как будто знал заранее, куда метнутся обутые в кроссовки ступни противника. Дмитрий со злости стал двигаться на одних рефлексах, не задумываясь о стратегии схватки или тактике, и, как ему показалось, дважды задел противника, но тот все равно бросал и сшибал его с ног бесчисленное множество раз.

Наконец, когда Дмитрий опозоренно лежал на спине и мечтал провалиться сквозь этот пол, исчезнуть, чтобы его больше не видели и не знали, сверху раздался уже совсем дружеский голос:

– На сегодня хватит. А то завтра не встанешь с постели.

Дмитрий с усилием вскинул руку. Ему почудилось, что по его ладони хлопнула огромная жесткая лапа рептилии. У инструктора ладонь оказалась твердая, словно из бука, темная, в толстых коричневых мозолях.

На выходе из зала его хлопнул по плечу здоровенный грузный мужик в белом халате.

– Зайди в санчасть, – сообщил он. – На тебе никакая плесень не растет?

– Грибы, – ответил Дмитрий враждебно.

– Что? – не понял мужик. – Грибы?

– Грибы, – повторил Дмитрий. – Грибы от меня, парень. Я здоров, и мне не до шуток.

– Сюда больных не берут, – ответил мужик резонно. – Зато больными выходят. А то их выносят их... даже из этого зала. Пойдем, пойдем! Надо, Федя.

Дмитрий вышел, прищурился от яркого света. После укола солнце казалось чересчур ярким, звуки громкими, но боль в избитом теле поутихла.

– Эй, Робин Гуд! – послышался сильный голос.

Из джипа вылез человек, который так ловко его завербовал. Глаза его поймали Дмитрия и повели, как в перекрестье прицела. Дмитрий козырнул за два шага:

– Полковник Ермаков, сержант Човен в вашем распоряжении.

Полковник кивнул:

– Вижу, тебя уже... гм... в тренажерном. Зря они так... Как бы ты ни был крепок, но они по шесть часов в сутки изнуряют себя здесь, а ты уже забыл, что такое десяток-другой километров с полным боезапасом и в бронежилете шестого класса. Или восьмого.

Дмитрий подумал, что снова разыгрывают:

– Разве такие бывают?

Ему приходилось носить бронежилеты первого класса, из 5–10 слоев кевлара, что спасало от удара ножа или низкоскоростной пули, второго и третьего, что отличались только керамическими вставками, четвертый – это жесткий бронекорпус, обернутый тридцатью слоями кевлара, даже пятый – из металлокомпозитного модуля и демпфера, что выдерживает АКИ и гюрзу, но о шестом только слышал: выдерживает бронебойные пули, но седьмой, восьмой... Это наверняка что-то чудовищное. Если его пятый весил целых 16 килограммов, да и то сверхэлитный, давали только офицерам и водителям, а остальные должны были таскать под два пуда весом. Пусть даже удобный, мягкий, теплый, весь из кармашков, где титановые пластинки уложены внахлест, как рыба чешуя.

Ермаков слегка раздвинул губы в скупой усмешке:

– Седьмой держит бронебойные пули из СВД и ВСС, а восьмой не прошибить даже из специальных снайперских винтовок. Обещаю, ты будешь приятно удивлен. Наши восьмые легче стандартных третьих.

Дмитрий пристроился к нему в шаг, справа пошла стена барака, затем открылась гигантская площадка, на том конце белел ровный ряд квадратных мишеней. Лицо Ермакова посуровело:

– После обеда попадешь в цепкие лапы наших аналитиков. То, что называю удачей, они именуют несколько иначе...

– Как?

Ермаков скривился:

– Мнемоинтеризацией, ксиноферрекией... ну и так далее.

– Что это? – спросил Дмитрий настороженно. – Я таких слов отродясь не слыхивал.

Ермаков улыбнулся:

– Я тоже услышал только здесь. И то краем уха. Даже не уверен, что ничего не перепутал. Мнемо... как там дальше, это способность к быстрому счету... Ну, есть же идиоты, что умеют множить в уме миллиарды, извлекать кубические корни из двадцатипятиэтажных цифр. Это и есть мнемокактамее... Увы, у меня никаких особенностей нет. Да и не верю я в эту чепуху. Правда, идиота, что жонглирует цифрами так, что никакой комп не угонится, сам видел.

Дмитрий пожал плечами:

– Я вроде бы не идиот. Или не совсем идиот... Или идиот? Если судить по тому, куда пришел... За мной тоже никаких способностей нет. Двигать утюги не могу, предсказывать будущее – тоже. Нет, я прост как утюг, как валенок. Просто сержант спецназа, а теперь... даже не знаю. Как я понял, не в составе ГРУ?

Ермаков сказал серьезно:

– Не стоит допытываться. Одно могу сказать, мы – государственная структура. И выполняем приказы правительства. Ну... даже если оно отдает их нам... э-э... косвенно. Сам понимаешь, занимаемся операциями, которые принято называть щекотливыми... Я говорю, что мы – государственная структура и получаем жалованье из бюджета, потому что подобные отряды уже есть и у некоторых неформалов. Подобные не по подготовке, конечно, там простые любители, но цели у них ого-го-го, бывают и покруче!.. К примеру, с нами уже начинают конкурировать катакомбники, есть такие фанатики-сектанты...

– Сектанты? – спросил Дмитрий. Он вспомнил яростного Филиппа, его вопли о величии православия. – Я слышал, они претендуют на большее.

Ермаков усмехнулся:

– Для меня сектанты, но сами как раз считают себя истинно православной церковью. А та, что правит сейчас, это не истинно православная. Хрен их разберет, но, по словам катакомбников, те, что правят в церкви сейчас, – пьяные зажавшиеся свиньи, а которые в подполье – оч-ч-ч-чень злые и готовые проливать кровь. Как чужую, так и свою.

Дмитрий сказал:

– Я думал, на активные действия способны только эти... ну, принявшие ислам.

– У катакомбников уже созданы отряды русских мюридов, – пояснил Ермаков. – Не знал? Не все же такие пустомели, как твои друзья. А при нынешнем ослаблении власти катакомбники очень быстро набрали силу. Их слишком долго сдерживали, теперь как с цепи сорвались... А на какую дистанцию их хватит, сами не знают.

– Ну, теперь, когда пришел Кречет...

– А что Кречет? За всем не уследит даже наш президент. Слишком многое было разрушено, слишком много нитей порвано. У Кречета поддержка масс, но нет управленческого

аппарата, который бы все видел, все знал, обо всем докладывал. В стране есть много такого, о чем не ведает даже Кречет.

Дмитрий побледнел, глаза расширились. Верит, подумал Ермаков сочувственно. Да и как не верить, когда все почти правда. За исключением того, что Кречет не знает. Но пусть считается, что не знает. В случае какой огласки будет считаться, что президент в условиях такой жуткой разрухи просто не знал о некоторых частях, вышли-де из-под контроля, о неких тайных или полутайных обществах, что уже создали свои военизированные формирования.

Дмитрий спросил осторожно:

– Вы сказали, начинают конкурировать... Это как?

Ермаков усмехнулся:

– Пару раз они опередили нас в решении некоторых больших проблем. Ну, крутости у нас побольше, это понятно, но, пока мы начинаем разрабатывать операции да прикидывать варианты... теперь это называется проигрыванием сценариев... эти ребята действуют сразу.

– На авось?

– Да.

Неясное чувство тревоги коснулось сознания. Он покосился на Ермакова, тот шагал спокойно, посматривал под ноги, руки заложил за спину. Место было ровное, пустынное, но тревога нарастала. Он почувствовал, как по коже пробежали «гусики», шерсть встала дыбом.

Возможно, он изменился в лице, Ермаков взглянул краем глаза, Дмитрию почудилось недоумение. Они сделали еще пару шагов. Тревога росла, мышцы напряглись, и, хотя голос Ермакова журчал успокаивающе и ровно, как выдыхающаяся муха в паутине, что дергается просто из упрямства, непонятный страх заставил мышцы вздуться. Он ощутил прилив адреналина, сердце застучало чаще, нагнетая кровь в мускульную ткань.

Ноги сами собой сделали шаг в сторону, между Ермаковым и ним теперь образовался просвет в два шага. Ермаков снова взглянул удивленно. Дмитрий облизнул пересохшие губы. Вдруг прямо из-под земли взвилось в страшном прыжке нечто огромное и дикое. Его мышцы сработали автоматически, он ощутил боль в кулаках, его развернуло, и нога встретила напор другого... это был человек в странном костюме. С лету Дмитрий ударил ребром ладони и остановился, тяжело дыша и дико оглядываясь на Ермакова.

Глава 9

Чувство тревоги начало уходить, но сердце бухало так громко, что он почти ничего не слышал из-за рева водопадов крови в ушах. У ног его корчились двое в зеленых балахонах, брошенных поверх тренировочных костюмов.

Ермаков кивнул с удовлетворением:

– Ладно, пойдем дальше... Так, говоришь, у тебя нет других способностей?

Он в самом деле двинулся той же неспешной походкой. Дмитрий, чувствуя, как вскипает от этой нелепой проверки, догнал и пошел рядом:

– Зачем это?

– То ли молекулы их пота просочились... – рассуждал Ермаков, – хотя я велел воспользоваться дезодорантами, а вдобавок упаковаться, ты же видел, в непроницаемую пленку... То ли... нет, это не мое дело. Но ты не только почувствовал, не зря же пытался обойти яму... я заметил!.. но еще и ударил точно в наиболее уязвимые места. Так что какое-то чутье у тебя есть. Есть, есть! Иначе, дорогой, тебя бы давно отыскали во времена твоей свободной охоты.

Он взглянул вверх. Дмитрий вспомнил, что Ермаков уже не первый раз поглядывает в затянутое тучами небо.

– Что-то не так?

Ермаков зябко повел плечами:

– Не могу привыкнуть.

– К чему?

– К спутникам, мать их, – ответил Ермаков зло. – Ведь каждый сантиметр нашего лагеря у них там на столе. Все наши портреты! Но это только цветочки... Вообще все идет к глобальной системе наблюдения. Хотим того или нет, но скоро все будут под колпаком. О каждом будет известно все! Уже сейчас Билл Гейтс может залезть прямо из своей Империи в любой из компов, где установлен Windows-98. Неважно, в Империи тот комп, у нас или в Нигерии: для Интернета нет границ. И во все компы сразу!.. Все эти компы автоматически подключаются к Интернету и скачивают оттуда дополнения, новые драйверы, апгрейды... а заодно можно выкачать из этих компов все файлы, в том числе личные письма, дневники, планы... А дальше... ладно, авось меня прибудут раньше, не увижу.

Дмитрий сказал осторожно:

– Мне можно что-нибудь узнать о группе? О ребятах, с которыми придется мне... действовать?

– Они почти все такие же, – ответил Ермаков почти равнодушно. – Нет, счастличик ты один, остальные – кто умеет запомнить сразу любое количество цифр или текстов... ну, фотографическая память, у кого есть способность без часов называть время суток с точностью до секунд... вообще-то не знаю, как эту способность применить в военных целях, так, забава... Есть парень, ты с ним познакомишься на тренировках, на котором любые царапины заживают как на собаке. Ему еще и очки ночного видения ни к чему, видит как кошка. Вот это, понимаю, полезно.

– Да, – согласился Дмитрий. – Это я тоже понимаю. Но насчет удачливости... Я все еще не верю. Возможно, у меня просто лучше обоняние, чем у других. Вы всех проверяли?

– Нет, – признался Ермаков. – Но у них удачливости особенной замечено не было. Все – результат длительных тренировок. Да и не проверишь всех. Даже здесь, в спецподразделениях. А надо бы вообще прощупать всех в армии! Увы, ни средств, ни времени... Только тех, кого успели заподозрить в чем-то необычном. Таких людей, понятно, много, но почти все либо не догадываются о своих способностях, либо не относятся к этому серьезно. Хорошо, если способность видеть в темноте достанется вору, уж он-то да, на всю катушку, но чаще

достаётся людям, которые если и пользуются, то только чтобы выгулять собаку еще и перед сном.

Дмитрий вспомнил:

– Один мой друг говорил про юсовский сериал, что сейчас по всем каналам... Там некая сверхсекретная организация, о которой даже не подозревают не только налогоплательщики, но сенаторы и конгрессмены... убивает, пытается, захватывает и применяет прочие... незаконные методы. А вчера шла серия, где этот отряд проникает на нашу территорию и взрывает наш завод. Причем сперва перебив огромное количество солдат срочной службы, простых русских пареньков, охраняющих этот завод. Самое главное, что время действия не в старое советское время, как в рэмбах и джеймсбондах, а в наше, послеперестроечное...

Ермаков хмуро кивнул:

– Считаю, что у нас такая же организация. Но только опять же... не мы первыми начали. И не мы первыми пролили кровь! Мы только отвечаем.

Он говорил спокойно, но Дмитрий чувствовал, как напряглись мышцы глубоко под кожей, а голос звучал несколько сдавленное, чем обычно.

Еще две недели он усиленно тренировался как в одиночку, так и с партнерами. Если в прошлом в своем подразделении он был лучшим, то здесь со стыдом чувствовал себя рохлей по сравнению с этими ребятами, веселыми и жизнерадостными. К тому же все настолько легко общались между собой на иностранном, что в какой-то момент заподозрил, будто попал в лагерь по подготовке международных террористов. Эти ребята цитировали Камю, спорили о мужестве отчаяния, на компьютерных тренажерах сажали самолеты на палубы чужих авианосцев, разбирали устройство новейших мин, что только-только выходили из секретных лабораторий в других странах, изучали чайные церемонии Японии, а на тренировках учились убивать молниеносно и бесшумно, используя для метания как особые ножи, так и пилочки для ногтей, ложки и вилки, ножки стульев и вообще все-все, что попадает под руку.

В старом подразделении он привык к «гюрзе», вроде бы пистолет, но емкость магазина – восемнадцать патронов, прицельная дальность – сотня метров, а благодаря специальным патронам с легкостью прошибает бронежилеты до четвертого класса включительно, а также корпуса автомобилей.

Здесь сперва выбрал для себя пистолет бердыш, легкий в пользовании, можно менять стволы и магазины, но в конце концов остановился на перначе: тот же девятый калибр, масса один и три, начальная скорость – четыреста двадцать, а емкость магазина вообще восемнадцать или даже двадцать семь. Вместо привычной пластиковой или деревянной кобуры – складной плечевой упор. В полуразложенном виде можно стрелять с локтя, не прижимая к плечу. Причем стрелять можно в трех режимах: одиночными, очередями по три выстрела и лупить как из автомата.

Чаще всего в схватках его спарринг-партнером бывал Тарас. Инструктор это заметил, Тараса перевели в другую группу, а Дмитрию подбрасывали все время новых партнеров, к которым надо было еще принаравливаться.

С Тарасом, Валентином и даже Максом встречались теперь только за обеденным столом, да еще поздно ночью, когда едва живые валились на постели. За это время урывками узнал, складывая отдельные фразы, шуточки, намеки, что Тарас выполнял разные задания особого отдела и раньше, так как в Афганистане выбивал людей, занимавших руководящие должности на контролируемых моджахедами территориях, а также охотился за имперскими советниками и пакистанскими наемниками. Группа «Дельта» дважды пыталась его захватить, но это обошлось ей в два спецподразделения. Тогда впервые имперцы за его голову назначили премию в пять тысяч долларов. Множество храбрых моджахедов поплатились

жизнями, пытаясь получить эти деньги! Затем премию удваивали и утраивали, а когда за его голову предлагали уже сто тысяч американских долларов... война закончилась. Он вернулся, трижды раненный, проливший реки крови, хотя и проливавший свою, вернулся оплеванный, вернулся в страну, где ему плевали в лицо.

Вообще о судьбе всех воевавших в Афганистане Дмитрий старался даже не вспоминать. Желчь поднималась к горлу, а кулаки сжимались до скрипа кожи и хруста суставов. Если редкого счастливец, который ухитрился спасти окруженных необстрелянных солдат и вывести их в расположение наших войск, засыпали наградами, то Тарас никого не спасал, о нем как-то неловко говорить и тем более награждать. О нем постарались поскорее забыть.

И вот теперь он в этом подразделении, внешне веселый, добродушный, компанейский. Ничего не забывший. Не простивший.

Задумавшись, он едва не наткнулся на Тараса, тот нес на оттопыренной руке ведро с краской, в другой держал широкую малярную кисть. С крыльца бытовки, где сидел Макс в компании крепких ребят, весело крикнули:

– Опять?

– Пора кое-что сменить, – ответил Тарас с усмешкой. – Есть добровольцы?

– Придумал новое?

– Валентин придумал, – сообщил Тарас. – Поможете?

Макс отмахнулся:

– Вон новичка возьми. Заодно проверишь, не лунатик ли.

Тарас повернулся, его черные, как маслины, глаза испытующе оглядели Дмитрия с головы до ног:

– А-а... Ты в самом деле как насчет этого... хождения по крышам?

– Только по ночам, – сообщил Дмитрий. – Когда сплю. А так ни по крышам, ни по карнизам.

– Сейчас походишь, – сказал Тарас зловеще. – Возьми ведро с краской... Да не это, во-о-о-он еще одно. И кисть побольше. А в каптерке еще захвати набор пакетов. Дешевые, акварельные, первым же дождем смоем, но нам надолго и не надо.

Дмитрий, ничего не понимая, притащил все, что велел лысый гигант, вместе поднялись на плоскую крышу здания. Дмитрий соспустил с последней ступеньки, ахнул: крыша разрисована всеми цветами, а потом ахнул снова, когда понял, что нарисовано.

– Чо краснеешь? – прорычал Тарас. – Тебе наглядная агитация не ндравится?.. Может быть, ты вообще – продажный наймит Империи? Бери ведро, начнем с того края. Это все уже устарело, а Валентин тут новую штуковину придумал... И надпись что надо! Вот с этой бумажки спишешь. Ничего не перепутай! Как у тебя с грамотностью?

– Если по бумажке...

– Буковка в буковку! А то тут не по-нашему.

– Да я и по-нашему только если большими буквами...

– Тут крупно, крупно.

Дмитрий косился на непристойный рисунок:

– Тогда не перепутаю.

– Вот и давай, не стесняйся. Гражданские самолеты над нами не летают, так что попадет тому, кому предназначено.

– А что... что они с этими снимками делают?

– Обязаны класть на стол руководство, – ответил Тарас счастливо. – Лично генералу Хануману. А также в восьми экземплярах раздать высшим чинам из армейской разведки, военно-воздушной, морской, в ЦРУ, одну – секретарю национальной безопасности... сейчас у них там баба, для нее тоже кое-что наклеивается, вот только надпись надо покороче! Чтобы как удар кнута по ее толстой голой жопе... Ты стишки никогда не кропал?

Дмитрий шарахнулся так, что едва не упал с крыши:

– Ты что?.. Никогда в жизни.

– Жаль, – сообщил Тарас искренне. – Жаль. Ну ладно, ее оставим на десерт.

Дмитрий поинтересовался:

– А как... эти?... Ну, которым все это...

– Странные какие-то, – ответил Тарас неодобрительно. – Почему-то обижаются. А с чего бы? Ведь это раньше были вероятными противниками, а сейчас просто невероятные союзники! А что обижаться на таких союзников?.. Мы ж их любим, разве не видно? Вон Ханумана двое наших с двух сторон любят, аж глаза у генерала на лоб полезли... Да, тут надо дорисовать...

Дмитрий поинтересовался осторожно:

– А что с Максом?

Тарас буркнул, не поворачивая головы:

– Что тебя интересует?

– Он какой-то, какой-то уж очень печальный. Или нет, я не знаю. Даже когда смеется или хохочет, у него что-то плачет внутри.

Он умолк, смутившись, что брякнул лишнее. Одно дело – его ощущения, другое – выложить их другим.

Тарас обернулся, крупное лицо с расплюснутым носом выглядело устрашающе. Шрамы чуть потемнели, вздулись от прилива крови.

– Упаси тебя боже кому-то брякнуть такое. Понял?

– Понял, – торопливо согласился Дмитрий. – Но раз уж я брякнул, может быть, скажешь? Хотя если нельзя, то нельзя.

Тарас прорычал:

– Когда Макс после Афгана работал дальнобойщиком, жена умерла, оставив сынишку семи лет. Но сынишка то ли голодал много, то ли здоровье слабое, хотя у Макса вон какое, словом, ребенку потребовалась операция. А теперь, сам знаешь, все за бабки! Макс криком кричал, чуть на стенку не кидался, но где честный человек может собрать семнадцать тысяч баксов?.. Ребенок угасал у него на руках. Да ладно, что тут... Полгода почти угасал. Значит, здоровье еще было, если столько боролся. Макс сам в щепку превратился, чуть умом не тронулся.

Он угрюмо умолк. Дмитрий не стал спрашивать дальше. От Тараса пришла холодная волна злости и отчаяния. Мелькнула мысль: знал бы Макса раньше! Этих баксов было на столько операций...

А за обедом Тарас сказал равнодушно:

– Завтра у нас свободный день. Валентин, в город съездим... или ну его на фиг?

– Второе, – ответил Валентин ровно.

Его пальцы красиво и синхронно работали ножом и вилок, расчлняя, накалывая, нагребая лезвием ножа на зубчики вилки горки ядреной каши. Все это безукоризненно точно отправлялось в рот, не обронив ни единой крупинки. Сам Валентин сидел за столом, как герцог на королевском приеме: невозмутимый, знающий себе цену. Дмитрий уже знал по слухам и смешкам, что Валентин в самом деле потомок кого-то и чего-то, не то барон, не то князь, хотя и тщательно это скрывает.

Дмитрий оживился:

– Здесь можно выезжать в город?

– Кому можно, – ответил Тарас злорадно, – а кому... У тебя как с цензом оседлости? Ну, прошел ли тесты, сдал ли мочу на анализы?

– Сдал, – подтвердил Дмитрий. – Все сдал...

Валентин поморщился:

– Ребята, за столом...

– Извини, – сказал Дмитрий. – Правда, извини. Это чудовище все время провоцирует. Вам разрешают?

Валентин бросил короткий взгляд на Тараса:

– Ты поинтересуйся о новичке.

Тот пожал плечами:

– Ты же знаешь порядок. Он не бывал даже на пленэре. Пока не пройдет все круги нашего ада... я говорю о бюрократическом аде, ему даже к забору близко подходить нельзя.

Валентин недобро ухмыльнулся:

– Ты еще брякни, какие тут заборы!

– Молчу-молчу.

Ножи и вилки позвякивали, Тарас с хрустом грыз толстую мозговую кость. Из-за дальних столов донеслись раскаты здорового смеха. Когда дошла очередь до кофе, в нагрудном кармане Дмитрия пискнуло. Он нащупал сквозь ткань выступающую кнопку, там пискнуло, негромкий голос произнес:

– Стажер Човен! К полковнику Ермакову!

Валентин смолчал, а Тарас сказал сочувствующе:

– Ничего, кому-то надо и эти места чистить.

– Да брось, – поморщился Макс. – Все делает механизация. Это так, чтобы некоторые носы не задирали.

– Эт ты на кого намекиваешь? – спросил Тарас угрожающе.

Из столовой Дмитрий напрямик направился в административный домик. Часовой оглядел его придиричиво, кивнул. В коридоре было пусто, а когда отворил дверь кабинета, Ермаков все еще горбился за клавиатурой, тихонько щелкал клавишами, не доверяя некоторые команды даже самым доверенным программистам.

При звуке открываемой двери его пальцы тронули Alt-Tab, и на экране мгновенно возникла другая картинка. Дмитрий вытянулся, Ермаков устало махнул рукой:

– Вольно. Как тебе здесь?

– Да вроде бы еще жив, – ответил Дмитрий, а всем видом старался показать, что не просто жив, а здесь для него почти что санаторий с бабами и плясками.

Ермаков оглядел с головы до ног, хмыкнул, неожиданно спросил:

– Не тянет побывать по ту сторону забора?

– Нисколько, – ответил Дмитрий, интуитивно полагая, что отвечает верно. – Здесь еще много такого, что не узнал. Хотя... чтобы не расставаться с друзьями, я бы в охотку съездил с ними завтра в то кафе, о котором говорят.

Ермаков снова долго рассматривал, в серых глазах то поблескивали искорки, то они темнели, как небо поздним вечером.

– С этими уже сдружился? Что ж, неплохие ребята. У тебя есть чутье.

Дмитрий смолчал, прямых вопросов нет, а просто так разговаривать с полковником... не по рангу.

Ермаков потер ладонями лицо, оно сразу стало старше, резче обозначились морщины, но порозовело:

– Значит, так. Тебе разрешен выезд завтра из лагеря с утра и до обеда. Но только с кем-то из этих ребят.

Дмитрий вытянулся:

– Благодарю за доверие!

Ермаков отмахнулся:

– Да при чем здесь... Ты уже прошел карантин. Просто с этого дня для тебя тоже действуют увольнительные.

– Спасибо!

Но когда вышел, все еще чувствовал на спине пристальный взгляд. Какая-то проверка на вшивость?

Глава 10

Валентин неожиданно заупряился, нужно прочесть пару книг, ознакомиться с новой системой зажигания кадиллака да и вообще дел по горло, не до кафе, Тарас настаивал, только Дмитрий помалкивал, тихонько стоял в сторонке. Почему-то показалось, что князь или барон не хочет сидеть за одним столом с ним, наемным киллером. Одно дело убивать в Афгане, другое – за деньги.

Тарас нажимал, похоже, тоже смекнул, как и то, что в столовке Валентин сидит рядом с киллером по службе, а кафе – дело добровольное, там можно позволить себе даже принципы.

В конце концов Валентин, морщась, сел за руль старенького потрепанного джипа, Тарас бухнулся рядом. Ожидался еще Макс, но того срочно отправили пересдавать взрывное дело, и Дмитрий расположился на заднем сиденье в одиночку.

Часовой вручную отворил ворота, ухмыльнулся понимающе, джип рванулся, как будто его лягнули, прыгнул и понесся, Дмитрия немилосердно подбрасывало, кое-как приспособился, наконец начал замечать дорогу.

Их лагерь, как увидел с удивлением, расположен на самом деле не так уж и далеко от цивилизации. Когда дорога шла через холм, с вершины заметил на горизонте многоэтажные дома, целый район, а в другой стороне раскинулись возделанные поля, стадо коров бредет к маленькой речушке.

В конце концов дорога вывела на трассу, многоэтажные дома приблизились, выросли, первой промелькнула бензоколонка, Валентин снизил скорость и свернул к первому же многоэтажному дому.

– Молодцы, – одобрил Тарас. – Первыми перехватывают!

Кафе расположилось в полуподвале этого дома, старого и запущенного, но уже сами ступеньки, что понравилось Дмитрию, мокро блестели, чистые и умытые, пахло свежестью.

Узкий коридорчик вывел в помещение с низковатым потолком. Восемь столов, резные стулья, на стенах дешевенькие бра, света много, никакого намека на интим, чем обычно грешат кафе и бары с недоумками в руководстве. Полупрозрачные занавеси, можно рассматривать ноги проходящих по тротуару красоток и даже замечать, какого цвета у них трусики, зато они не видят, что у тебя на тарелке дешевый салатик, а не заморская форель.

Валентин указал на стол в глухом углу, инстинктивная мужская привычка садиться, как собака в конуре: мордой ко входу. Тарас первым плюхнулся на стул, воззвал зычно:

– Лапушка!.. Зайчик!.. Пивка нам поскорее!.. А кроветок потом, потом...

Между столов к ним направилась девушка в переднике, Дмитрий против воли засмотрелся. Высокая, вся из длинных рук и ног, чем-то похожая на журавля, она странно и пугающе производила впечатление звериной гибкости. Темные глаза, довольно мрачные, смотрели из-под низкого лобика, что всегда считался признаком кретинизма, но ей только придавал вид решительный и смелый.

Мужчины смотрели ей вслед, отводили взгляды, затем смотрели снова. Чересчур длинные ноги поднимали зад на уровень глаз, бедра узковаты, зад тоже ничего особенного, но почему-то каждый чувствовал, что этот зад может укрупняться вдвое, становиться пышным и вздернутым кверху...

Ее голос заставил Дмитрия вздрогнуть:

– Темное? Светлое?

Она стояла над ним, он посмотрел на грудь, едва ли второго размера, и тоже вдруг ощутил, что там все может разбухать в считанные минуты почти до четвертого. Ее глаза стали насмешливыми, Дмитрий ощутил, как краска начинает пробираться к лицу, повернул голову к Тарасу.

Тарас сказал с восторгом:

– Темного! Много!.. Бочку!.. А какой сорт, пусть вот Валя скажет, он у нас эстет. Его даже сморкаться правильно учили.

Валентин поморщился, глаза его скользили по меню:

– Не слушайте его, Анита. По две светлого... Лучше «Подмосковное». Потом креветки, раки, что там у вас сегодня? А затем перейдем на темное.

Она кивнула, черкнула в блокнотике, удалилась. И хотя шла строго, бедрами не вихляла, Дмитрий ощутил, что не может оторвать взгляда от упругих ягодиц, которые так и просятся в его широкие ладони.

Валентин хмыкнул, а Тарас потерял ладони:

– Пивка!.. Ура, пивка сейчас залью... Что, Дима, и ты на крючке?.. Вот странно как устроено, а? Красивые и умные не устроятся в жизни, как ни бьются!.. а другим все само в руки... Или не в руки, но это неважно. Дима, а ты вообще пиво пьешь?

– Пью...

– Жаль, а то бы я и твое освоил. Чтоб добро не пропадало.

Анита принесла на широком подносе шесть кружек буквально через пару минут. Кружевная пена сползала через края, Дмитрий старался смотреть на кружки и даже помогал их снимать с подноса, но, когда его пальцы соприкоснулись с ее пальцами, по телу пробежал электрический заряд. И сразу стало заметно, что бедра ее стали шире почти вдвое, а зад задрался кверху, словно его поддерживают незримые руки.

Тарас в восторге булькал, едва не влезая в кружку с головой. Пена повисла на его губах и подбородке. Валентин пил, как верблюд, брезгливо процеживая сквозь зубы, неспешно, но чувствовалось, что и употребить может, как верблюд, на неделю вперед.

Креветки, которые принесли тоже на удивление быстро, оказались, как на подбор, крупные, сваренные умело, просоленные. Дмитрий очищал нежное мясо от панцирей, высмактывал сладость из лапок, понятно, почему при всеобщем обнищании и пустоте подобных кафе здесь две трети зала заполнено народом...

За окном послышался нарастающий грохот, словно по шоссе двигалась колонна танков. Грохот нарастал, земля начала подрагивать, а чтобы говорить, пришлось повышать голос.

Посетители морщились, поглядывали на окно, на дверь. Дмитрий видел через широкие окна, как вдали показалась группа крепких ребят на мотоциклах. У некоторых за спиной сидели девушки. Вся группа неслась к их кафе.

Грохот усилился, посуда начала позвякивать, а потом и подпрыгивать. Тарас крикнул зло:

– Рокеры!.. Сволочи!..

– Что? – переспросил Дмитрий.

– Рокеры, говорю, – крикнул Тарас. – Или байкеры, мать их... Словом, сволочи, стрелять надо!

Грохот перерос в рев, тяжелый и надсадный. За столиками смотрели на окна и двери с беспомощностью: нечего противопоставить накачанным мускулам, черным курткам, брошенным прямо на голые мускулистые тела... Куртки без рукавов, распахнуты на груди, открывая жуткие хари татуировок, массивные железные цепи, тяжелые пояса в широких бляхах из толстых пластинок...

Дмитрий видел страшное, перекошенное лицо Тараса. Десантник что-то орал, грохот сотрясал воздух и раскалывал череп, затем вдруг начал затихать, стали слышнее голоса, взрыкнул и затих последний из подкативших мотоциклов. В окно видно было, как слезают эти громадные парни, двигаются нарочито замедленно, массивные могучие динозавры, с задних сидений прыгают яркие девушки, вульгарные и вызывающие, смотрят по сторо-

нам с победным видом. Никто не посмеет свистнуть вслед, когда они с такими крутейшими парнями...

В тишине стала слышна тяжелая поступь. В зале затихли, головы повернулись в сторону двери. Мужчины пригибали головы, в глазах унижение, женщины старались не встречаться взглядами со своими спутниками.

Через порог шагнул мужик. Мышцы, кожа и железо, мелькнуло в голове Дмитрия. Высокий и налитый силой, он остановился в театральной позе, руки в бока, жилетка из черной кожи распахнута на волосатой груди, толстые металлические цепи в три ряда, еще цепь справа на поясе – толщиной с палец, пояс в ладонь шириной, весь покрыт железными бляхами, что напалзают одна на другую, как панцири черепах.

За его спиной появились такие же, все в черном, как гробовщики, звякающие цепями, и так плотной группой, как клин псов-рыцарей, с громким гоготом и шуточками пошли через кафе, хозяйски осматривая столы, мужчин и женщин.

Тарас накалился, Дмитрий видел, как под рубашкой десантника ходят тугие шары, а на шее вздулись жилы. Валентин неспешно и аккуратно снимал корочки панцирей с розовых тел, его глаза не отрывались от нежнейшего белого мяса. Кончики пальцев подхватывали эти тельца, похожие на белых червячков, губы принимали бережно, осознавая, какое это лакомство.

Вожак ткнул пальцем в стол посредине зала:

– Здесь. Вон тот и... ага, вон тот стол придвинуть!

Рокеры сами ухватили столы, Анита наблюдала критически, из кухни выскочил солидный мужик, лицо бледное, с вымученной улыбкой посеменил за ними, виновато разводил руками. Середина зала, правда, пуста, все предпочитают темные углы или хотя бы под стенами, либо тянутся поближе к широкому окну, так что рокеры сдвинули три стола, к своему разочарованию никого не согнав и даже не шибко потревожив, разве что кому-то краем стола врезали в горбатую спину, кому-то оттоптали ноги.

Девушки победно уселись первыми: красивые и загорелые, в микроюбочках, видны узкие полоски трусиков, в маечках, без лифчиков, понятно, да и маечки больше похожи на рыбацкие сети. Валентин засмотрелся на одну яркую блондинку, явно некрашеную – все личико в веснушках, а Тарас прошипел люто:

– Ну счас я им, гадам!.. Ну счас...

Валентин поинтересовался тихо:

– А на каком основании?

– Да ты что, не видишь?

– Что?

– Этих гадов не видишь?

Глаза Валентина не отрывались от новой крупной креветки, огромной, как рак, с толстым вздутым хвостом, что к тому же облеплен красными икринками. Голос его стал совсем нежным:

– Ну почему же гады?.. Здоровые ребята. Не те, что длинноволосые с гитарами в подъездах. И девчонки у них... ничего. Наверное, даже не наркоманки. Или не совсем уж...

На сдвинутые столы принесли кружки с пивом, двое официантов суетливо помчались с широкими подносами, полными множества тарелочек с креветками, маслинами, соленой рыбой, бифштексами.

Рокеры громко хохотали. По всему залу раскатывалось эхо, а богатырские шлепки по спинам звучали, как выстрелы из орудий. Парочки испуганно вздрагивали. Одна пара уже успела расплатиться: подозвали Аниту, еще только заслышав грохот подъезжающих чудовищ, Тарас проводил уходящих налитыми кровью глазами, потом перевел обрекающий взгляд на пирующих.

Еще один мужчина торопливо подозвал Аниту, бросил на стол деньги, его спутница вскочила с такой скоростью, словно уже чувствовала чужие руки на бедрах.

– Скорее бы начинали буянить, – сказал Тарас мечтательно, – ох, скорее бы!

– Да вообще-то нам нельзя, – предупредил Валентин, но голос его прозвучал как-то вяло.

– Да ну? – удивился Тарас. – А в порядке вынужденной самообороны?

Валентин покосился на крутые валуны плеч спецназовца:

– И кто ж на тебя нападет?

Тарас обиженно умолк, а Дмитрий сказал нейтрально:

– Вообще-то каждый гражданин обязан защищать как себя, так и жизни... и здоровье, имущество близких ему, а также любого постороннего человека. Как в Уголовном кодексе... или что-то подобное.

Тарас бросил на него взгляд, полный благодарности, а Валентину сказал с упреком:

– Вот видишь!

Валентин даже бровью не повел в сторону Дмитрия:

– Ну, Тарасик... Нет такого в Уголовном кодексе. Да и было бы... Как будто не знаешь, что ждет спецназовца, затеявшего драку с мирным населением!

Тарас буркнул:

– Ты этих называешь мирными?

Валентин аккуратно и ловко разделал несколько креветок, разложил их по краям блюда красивой звездочкой, полюбовался:

– Важно не то, как ты их называешь. Даже как я их называю, не настолько важно, увы. Принимают во внимание только то... черт, а вот этой креветке сто... как их называет Кодекс. А по нему всяк, кто не в армии...

От стола с рокерами голоса звучали все громче. Дмитрий видел, с какой надеждой прислушивается Тарас. Мощные челюсти замерли, из тяжелой пасти торчат веточки укропа и куриная лапка, словно сержант, как динозавр, подхватил с земли жертву прямо с травой.

За столом рокеров вовсю хлестали пиво, смачно раздирали крупных раков. На помощь Аните выбежали два подростка, стол рокеров заполнился блюдами с красной рыбой, черная икра горками из широких чаш, горы копченых колбасок, севрюга, лососи, снова икра: уже красная, отборная, каждая икринка блестит, как капля красного янтаря...

Тарас шумно сглотнул, устыдился, отвел взгляд и с такой злостью рванул пополам бедную креветку, словно раздирал юсовца. Валентин смаковал панцири деликатно, медленно, наслаждался, и было видно, что его несколько не беспокоят ни рокеры, ни повышение налогов, ни голодовка учителей в Хабаровске.

За столом рокеров загремела посуда. Вожак снова грохнул кулаком по столу, он красиво напрягал мускулы, вскидывал брови и картинно выпячивал челюсть, и без того тяжелую и квадратную, с мужественной ямочкой на раздвоенном подбородке.

Дмитрий не расслышал, что было сказано, но рокеры завопили, радостно заколотили по столу ножами. Кто-то выкрикнул «гип-гип ура».

Тарас покосился в их сторону, как разъяренный медведь. Глаза вспыхнули, словно два лазерных прицела.

– Черт, – прорычал он люто, – за это уже в старое время бы замели! Хоть на пятнадцать суток да посадили бы!

Валентин проронил насмешливо:

– Ты такой старый, Тарасик?... Я думал, что Советской власти и не застал.

– Батя рассказывал, – буркнул Тарас. – Тогда порядок был. А сейчас эти сволочи распустились!

– Давно ли ты сам слез с мотоцикла? – поинтересовался Валентин. – Ладно, не бери в голову. Бери в рот... ну хотя бы вот эту! Считай, для тебя почистил. Подсласти. В самом деле, какое свинство: у кого-то есть харлей, а у кого-то и не было...

– Да я на эти харлеи, – ответил Тарас зло. – Я на своей старенькой яве делал эти харлеи... Мне их рылы не нравятся! Это же предатели национальных интересов! Сегодня они на харлеях, завтра Родину продадут!.. Не, лучше бы их перебить или пересажать раньше.

Валентин иронически улыбался.

Рокеры веселились, орали. Красная от натуги, Анита один за другим приносила подносы, заставленные кружками пива. Пена перекатывалась через края, темные кружки стояли в пене, что стекала по подносам и падала широкими хлопьями на пол.

– Вот сейчас начнут, – прошептал Тарас. – Уже набрались... Только бы милиция не пришла, не повязала...

Валентин иронически улыбался.

Анита пробежала мимо, ее взгляд с сожалением скользнул по пустым тарелкам перед Тарасом и его спутниками, но промолчала, тут же появилась уже с подносом, заставленным кружками, блюдами с рыбой, снова креветки, толстые ломти жареного мяса...

– Вот сейчас, – сказал Тарас с надеждой. – Ну же...

Валентин с ленивым безразличием рассматривал спутниц рокеров. Они держались не просто раскованно: без этих плечистых парней давно бы стали мишенью чересчур пристального внимания, шуточек, а то и лапанья, сейчас же мужчины, встречаясь взглядами с этими красотками, трусливо опускали глаза и пригибали головы: а вдруг эти в черных куртках перехватят их взгляды?

Глава 11

Тарас заскрежетал зубами. Лицо стало желтым от невыносимого разочарования. Рокеры шумно вставали из-за столов, шумно взрыгивая, девушки не отставали, похлопывали себя по голеньким животикам. Одна бесстыдно задрала маечку и почесала голую грудь, красиво вылепленную, с нежной белой кожей, на миг мелькнул ярко красный кончик, мужчина напротив вытаращил глаза, челюсть отвисла. Рядом с ним застыла, как вбитый в землю кол, академического вида девушка в больших роговых очках, надменная, с плоской грудью, зато выпуклой спиной.

Гогоча, рокеры шумно двинулись к выходу, толкая и задевая посетителей. Вожак на ходу небрежно сунул Аните в нагрудный карман зеленую бумажку:

– Держи. Классное пиво! Теперь ссать будем до самой Окружной дороги. Ха-ха!

Тарас, бледный и сразу похудевший, смотрел вслед остановившимися глазами. Валентин посмеивался, подозвал Аниту:

– Сколько с нас? А то засиделись что-то...

Рокеры столпились в дверном проеме. Дмитрию показалось, что вот-вот разнесут, все широкие и могучие ребята, но черных курток за окном становилось все больше, а здесь меньше, слышно было, как облегченно вздохнул кто-то из посетителей.

Валентин положил деньги на стол, поднялся:

– Говорил же, нечего было ждать. Но пиво и в самом деле здесь хорошее.

Дмитрий вскочил, насточертело сидеть перед пустой тарелкой, Тарас встал с такой натугой, словно разламывал свое окаменевшее тело.

Рокеры уже рассаживались по мотоциклам. Солнце блестело на хромированных деталях, на железных бляхах, что усеивали куртки рокеров с головы до ботинок.

Вышли, щурясь от яркого света. Валентин, ни на кого не глядя, прошел к джипу и сел за руль. Тарас и Дмитрий были на полдороге, когда сзади загрохотало. Один из рокеров, успевший отлить первым, лихо газовал, стоя на месте.

Тарас остановился, его повернуло в ту сторону, как магнитом. Валентин включил зажигание, крикнул нетерпеливо:

– Ну что вы там?

Глаза Тараса все еще тоскливо мерили рост этих крепких парней, ширину плеч, накачанные бицепсы:

– Погоди минутку...

– Поскорее!

Дмитрий остановился, а Тарас медленно пошел к рокерам. Те усаживались на упругие кожаные сиденья, подружки легко и грациозно задирали загорелые ноги, садились сзади. Его наконец заметили, смотрели с насмешливым любопытством.

Тарас остановился перед вожакон, ладони пошли вниз, словно пригибая чьи-то головы:

– Тише, тише, ребята.

Грохот стал тише, а вожак поинтересовался ленивым сытым голосом:

– Что тебе, мужик?

– Это ты мужик, – ответил Тарас. – Ну чо сидишь, как жаба на пне? Давай начинай.

Брови вожака взлетели на середину лба:

– Что начинать, хлопец?

– Драться, что же еще? – удивился Тарас. – Хотите драться, так нефига! Чо уставился?..

Давай, не сиди.

Рокеры переглядывались. Вожак поинтересовался:

– Мужик, ты не спятил?

– Не-а, – ответил Тарас и вытер рукавом нос. – Но вы ж это... ну... предлагаете...

Прямо настаиваете! Ну я и решил...

Вожак удивился:

– Мы предлагаем?

– Ну да, – ответил Тарас простодушно. – Вы ж ента... ну, с руками как ходите...

Он растопырил руки, как будто им не дают прижиматься к бокам чудовищные глыбы мускулов, переступил с ноги на ногу, набычившись и выпятив нижнюю челюсть. Получилось так похоже, что вожак вспыхнул, насмешка налицо, но Дмитрий видел, что жожака тревожит простецкий вид этого парня, чересчур простецкий. Если бы не заподозрил нечто, то не стал бы жожаком этого сброда на мощных мото: кое-что в жизни надо чувствовать спинным хребтом.

– Мужик, – сказал вожак предостерегающе, – ты лучше подбери сопли и канай отсюда, пока цел.

Один из рокеров ахнул:

– Ролло, он уйдет без трепки?

– Пусть идет, – угрюмо распорядился вожак.

Тарас переступил с ноги на ногу, еще больше выпятил нижнюю челюсть, а руки изогнул крючками:

– Ага... ну да. Так у вас это... ну, как у сраных мух, что под шершней косят... Чтoб не трогали, да? Мимикрия?

Вожак медленно багровел. Грудь его вздымалась, глаза быстро стрельнули по сторонам, прошлись по неподвижному Дмитрию и даже достали мирно сидящего в машине Валентина.

– Считай, ты допросился, – процедил он. – Айрен, Анрыл – врежьте дураку.

Тарас успел обидеться:

– А пошто не сам?

На него бросились с двух сторон. Один детина размахивал металлической цепью, на которой можно бы крепить якорь, второй прыгнул с нунчаками. Тарас поспешно отступил на шаг с воплем:

– Ай-ай, на меня напали!!!

Дмитрию показалось, что он даже постарался скорчить испуганную рожу на случай, если в окно кто-то смотрит. Один из крепких чернокуртников сказал с угрюмым злорадством:

– Поздно, мужик. Снимай штаны! Может быть, помилуем.

Девица, что осталась на заднем сиденье его мощного харлея, захохотала. Рот ее был намазан широко и мощно. На загорелой коже живота выделялся непомерно крупный пупок мертвенного цвета.

Рокер замахнулся, метаясь в лицо Тараса, но неожиданно ударил быстро и резко в живот. Тарас удивленно опустил глаза на кулак, завопил громко и отчаянно:

– Ой-ой, меня ударили! Меня бьют! Меня убивают! Куды милиция смотрит?

Рокер с удивлением посмотрел на свой кулак. Костяшки покраснели, словно ударил в ствол дерева. От мотоциклов крикнули нетерпеливо:

– Да врежь ему как следует! И поехали.

Тарас отозвался обрадованно:

– Хорошо, счас!

Рокер вздрогнул, словно сосна, по которой ударили обухом. Дмитрий не успел рассмотреть удар, настолько тот был мгновенным и неожиданным. Рокер еще постоял, а затем медленно повалился на спину, не сгибая коленей.

Грохнуло, словно в самом деле рухнуло дерево.

От мотоциклов ахнули. Дмитрий видел, как двое оставили сиденья, пошли с двух сторон к смельчаку. Один вытащил из-за спины короткую дубинку, а другой неспешно и уверенно натянул черные кожаные перчатки. На тыльной стороне блестели заостренные шипы, делая перчатки похожими на спины доисторических ящеров.

До Дмитрия донесся довольный голос Тараса:

– Эх, до чего же люблю вынужденную самооборону!

Он сделал шаг в сторону, пригнулся, двигался как-то странно, неуклюже, пропустил два сильных удара, Дмитрий видел, как Тарас содрогается от ударов, отмахивается неумело и тупо, но все-таки один рокер вскрикнул и ухватился за локоть, а второй после ряда сильных ударов дубинкой споткнулся и растянулся вниз лицом.

Тарас отступил на шаг. Руки с растопыренными пальцами пошли в стороны. Группа на мотоциклах пребывала в неподвижности. Один из пытавшихся проучить нахала все еще пятился, другой остался лежать вниз лицом, руки раскинул. Красная лужа растекалась на асфальте, но для разбитого носа крови было многовато.

Вожак крикнул раздраженно:

– Что за... Ах, так он крутой? Ну ладно. Пошли!!!

Дмитрий дернулся, ибо все рокеры, дюжина крепких здоровенных парней, слезли с мотоциклов и бросились на дурака. Тарас в испуге попятился:

– Вы чо, парни? Вы чо?

Дмитрий наконец решился сдвинуться с места, услышал предостерегающий свист. Валентин наблюдал с брезгливой миной, Дмитрию покачал головой.

Рокеры налетели, как огромные черные псы на зайца. Тарас исчез, замелькали дубинки, цепи, кастеты. Оставшиеся в одиночестве женщины визжали от восторга, вскакивали, глаза горели, как фонари в ночи.

Дмитрий видел черные спины, взлетающие руки. Сейчас руки выглядели вдвое мускулистее, а дубинки казались огромными. Он слышал сдавленные крики, глухие удары.

В какой-то момент двое рокеров вытащили из толпы третьего. Кровь брызгала из разбитого лица тонкими струйками. Его оставили на асфальте, оба заорали люто девкам, одна завизжала и помчалась к ним, а они оба снова бросились в драку.

Еще одного вынесли из сечи, крови Дмитрий не заметил, но он был в отключке. Девушки слезли с мотоциклов, их загорелые ноги мелькали, как шпалы под бегущей электричкой. Сраженных бойцов отгаскивали, быстрые руки промакивали кровь.

Наконец толпа раскрылась, как раскрывается тюльпан при скоростной съемке. В воздух подлетели двое, завалив сразу несколько соратников, Дмитрий наконец увидел Тараса. В разорванной рубашке, от одного рукава пестрые ленточки, но загорелые руки мелькают как поршни, крупное тело неумовимо быстро сдвигается, ускользая от ударов, смазывая их мощь, ослабляя удары. Дмитрий слышал обозленные крики, вопли боли. Руки сержанта между тем торопливо ломали суставы, перебивали кости, разрывали связки, пробивали головы, а когда сдвигался хоть на дюйм, то слышался хруст коленных чашек.

Когда рокеров осталось всего трое, один с руганью выхватил монтировку, замахнулся. Тарас качнулся в сторону, руки мелькнули, и дыхание остановилось в груди Дмитрия: рокер вздрогнул, а монтировка уже торчала из его груди, погрузившись на две трети.

Вожак отступил на шаг, побледнел, Тарас поспешно шагнул следом, Дмитрий услышал сухой хруст, что повторился трижды. Вожак медленно валился на асфальт, уже с переби-

тыми, как соломинки, толстыми костями, уже калека, над виском провалилась кость, белокурые волосы стали алыми...

Джип по крутой дуге оказался рядом с Тарасом. Валентин заорал:

– Заснул?

Дмитрий вздрогнул, орали ему, прыгнул через борт, Тарас уже рядом с Валентином, машина рванулась в тот же миг, его едва не перебросило через задний борт. Валентин стремительно вырулил дворами на широкую улицу, быстренько перестроился в левый ряд и погнал на скорости, часто поглядывая в зеркало.

– Да никто не гонится, – сказал Тарас успокаивающе. – Они ж крутые...

Дышал он тяжело, с хрипами. Грудь вздымалась часто, Дмитрию почудился треск, словно сломанные ребра задевали одно другое. Волосы над ухом слиплись от крови, над бровью пламенела ссадина. Еще одна ссадина украсила подбородок. Рубашка разлезлась по швам.

Валентин быстро зыркнул в зеркальце заднего вида. Дорога выскальзывала из-под колес, виляла, сзади мелькнул жигуленок грязно-серого оттенка, погони нет, да и кому гнаться, только девчонки в состоянии завести мотоцикл... Странно, что Тарас ни одной из них не врезал, а ведь ненавидит шалав.

Дмитрий вцепился в борт, джип прыгал, как горный козел, Валентин в одном месте дернул руль, джип резко свернул, проехал на двух колесах, мелькнул желтый полуобвалившийся кювет, дальше под колеса бросалась серая земля, трава шелестела, но теперь все дальше удалялись от дороги.

За несколько сот метров до магистрального шоссе Валентин остановил машину, Тарас выпрыгнул и в мгновение ока сменил табличку с номером. Старую тут же с такой силой воткнул в землю, что скрылась полностью. Дмитрий видел, как он топнул каблуком, вглубина поглубже, Валентин нетерпеливо покрикивал, в руке Тараса блеснул пузырек, Дмитрий видел короткую струю аэрозоли, что вырвалась словно из широкой ладони.

– Я думал, – сказал он, – у вас таблички термитные... Поднес спичку, тут же сгорит дотла. Бесследно.

Тарас рыкнул:

– Не умничай. Умнее тебя в тюрьме сидят!

– А что? – не понял Дмитрий.

– Бесследно, – передразнил Тарас раздраженно. – Так и дадут казенное добро переводить! На операцию отпускают со скрипом...

Машина снова дернулась, на этот раз выкатили и понеслись хоть и с превышением скорости, но кто ее не превышает, а дальше на повороте им даже помигали фарами, предупреждая о близком посте ГАИ.

Запах от Тараса мигом выветрился, но там в лесу, где осталась табличка, ни одна собака не возьмет след и не отыщет ее. Осталось только сменить рубашку Тарасу, но, похоже, Валентин это уже предусмотрел...

Тарас расположился на заднем сиденье, руки раскинул сзади. Мокрые волосы быстро подсыхали, ссадины скрылись под эластичным кремом, а рубашку в придорожном магазинчике с гордым названием «Супермаркет» подобрали по расцветке точно такую же. Правда, не по размеру, но короткие рукава Тарас закатал выше локтей, а ворот расстегнул до пояса, выставив ветерку волосатую грудь.

Дмитрий сидел рядом с Валентином, тот надменно и неотрывно смотрел вперед, руки уверенно лежали на оплетке руля.

– Какая муха тебя укусила? – спросил Валентин брезгливо.

Тарас буркнул:

– Не знаю. Просто не знаю... Обрыдло все, понимаешь? В стране такое, а это... Когда дерьмо поверху плавает, то ни черта, кроме дерьма, и не видно. Откуда у них такие мотоциклы? У одного знаешь какой харлей?.. Семьдесят тысяч долларов отдай и не пикни!.. А на нем такое чмо сиденье трет, что завтра точно расшибет всмятку!

– Сиденье?

– Харлей, дурень!

– Ничего, – утешил Валентин, – папочка другой купит. Еще круче.

– Круче не бывает, – огрызнулся Тарас. – Было бы круче, это чмо на нем бы красовалось.

Валентин сказал, глядя прямо перед собой:

– Уже не покрасуется. Что с тобой творится, Тарас? Двоим сломал руки, ладно. Но одного просадил монтировкой насквозь. Никакая «Скорая» уже не спасет.

Тарас сказал без сожаления:

– В самом деле? Гм, надо ж было как-то обороняться. Он же мог той монтировкой прическу испортить! Не знаю, Валентин, что со мной. Но если не пошлют на что-то нужное стране, я сам выйду на улицы и буду наводить порядок, как умею.

Валентин фыркнул:

– Ломать руки рокерам?.. Или переводить старушек через дорогу?

Дмитрий со злостью поглядывал на аристократический профиль лейтенанта. Ветер трепал волосы, лохматил длинные ресницы, Валентин опускал веки, но выглядело, что щурится высокомерно и нагло. Сказать бы, мелькнуло у Дмитрия, что он совсем недавно как раз и наводил порядки, как умел, не дожидаясь действий правительства. На каждого мерзавца, застреленного по контракту, убирал пару бандитов с другой стороны, а то и с третьей, стремясь сравнить этих пауков. Они в самом деле тут же начинали свои тайные войны, и опять у него увеличивался фронт работ.

Тарас прорычал со злобой:

– Я пойду в вольные охотники! Буду их убивать, пока самого не убьют. Я не могу из года в год бить по чучелам, когда юсовцы окружили нас со всех сторон, когда уже закидывают десанты в Москву!

Валентин поинтересовался:

– Кого – их? Рокеров? Ты всерьез считаешь, что они и есть основная угроза России?

Тарас огрызнулся:

– А что, члены правительства вот так на харлеях? Кого достану, того и бью. Да и вообще... К черту мне эти тонкости политики! Одно я знаю: это моя страна! Хорошая или плохая, но моя. И буду защищать! Даже с продажным правительством, депутатами-идиотами, тупыми генералами и пьяным вдрабадан народом!.. У них там, за океаном, элитные войска не сокращают. Напротив, еще как напротив!..

Глава 12

Караульный опять же вручную открыл ворота, никаких сервомоторов, Валентин загнал джип в гараж, Тарас вылез первым, Дмитрий заметил, что сержант старается не прихрамывать, а когда ступает на правую ногу, слегка задерживает дыхание.

– Мы как раз к ужину, – заявил он бодро.

Валентин фыркнул с отвращением:

– Куда в тебя столько влезает?

В столовой народу не больше половины, похоже, не только их отпустили на выходные. Кому-то явно разрешается даже с ночевкой... Надо запомнить, подумал Дмитрий. Надо запомнить.

Тарас жизнерадостно махнул девушке в столовой:

– Привет! Нам на троих, Валентин сейчас явится.

– Так долго машину сдает? – поинтересовался Дмитрий.

– Да нет... Отчет. Понимаешь, мы обязаны обо всем докладывать.

Дмитрий насторожился:

– Неужели обо всем расскажет? Это же подсудное дело.

Тарас повел плечом, поморщился:

– Вряд ли все... Меньше знаешь, меньше виноват.

С подноса на их стол перекочевали глубокие тарелки с украинским борщом, бифштексами. Тарас умолк и с урчанием придвинул обеими руками тарелку. Дмитрий ел вяло, это Тарасу надо восстанавливать силы и заживлять травмы. Валентин так и вовсе не вставал с сиденья, где он сейчас, кому и что именно докладывает...

На подходе к Красному уголку еще издали слышали громкие голоса. В большой комнате, где стоял телевизор с большим экраном, парни орали друг на друга, Дмитрий видел красные от злости лица, выпученные глаза.

По экрану мелькали кадры с чернобородыми молодцами. Рукава закатаны, в пятнистой форме, через плечо у каждого автомат, спина прямая. Вскрикивали женщины, голос за кадром возбужденно бубнил о противоправных действиях, на которые, однако, нельзя отвечать другими противоправными действиями, ибо что допустимо бандитам, непозволительно стране с такой высокой культурой, которая дала Пушкина, Толстого и Достоевского...

Тарас прорычал:

– Если при мне кто-то скажет о Достоевском, убью гада.

– Не любишь Достоевского? – спросил Дмитрий шепотом.

– Да я не знаю, кто это, – огрызнулся Тарас. – Только знаю, что как только о Достоевском, так сразу же какая-то мразь, педерасты, нихренанделанье!

Один из спецназовцев оглянулся, заорал:

– Тарас пришел!.. Тарас, скажи им!.. Да все то же: наших захватили в этой гребаной Чечне!.. Как овец взяли, повязали, только что не поимели! А может, и поимели для смеху, наши все равно не признаются!.. Троих олухов!

– Наших? – изумился Тарас. – У кого это такая вязаловка выросла?

– Да нет, наших... в смысле, русских. Простых портяночников.

Второй, в которой Дмитрий узнал Макса, бросил раздраженно:

– Сами виноваты. Они были на посту! Почему сразу стрельбу не открыли?.. Это ж не в Москве, а на границе.

Сзади послышались шаги. Валентин вошел вслед за Тарасом и Дмитрием, обменивался рукопожатиями, хлопками по спине, Дмитрий следил за ним уголком глаза. Валентин выгля-

дит чуть более оживленным, чем по приезде, глаза лихорадочно блестят, на щеках красные пятна.

Тарас плюхнулся в кресло, ему подвинули цилиндрик пива. К удивлению спецназовцев, Тарас подвигал складками на лбу, брезгливо отодвинул. Тому, кто час назад нахлебался свежайшего, на консервированное смотреть противно.

– А что скажет новенький? – вдруг спросил кто-то.

Дмитрий узнал голос Валентина, тихий и вкрадчивый. Головы начали поворачиваться в сторону стажера, который всегда старается тихой мышкой держаться в уголке.

Тарас встрепенулся:

– А в самом деле, что думаешь ты? Кто виноват?

Дмитрий насторожился, но на него смотрели десятки пар глаз, он перевел дух, сказал медленно:

– Виноваты те, кто правит нами. А кто правит? Кого сотни лет стараются вытолкать из страны, но не получается...

– Это он о ком? – спросил кто-то.

– О жидях, – пояснил кто-то авторитетно. – Во всем виноваты жида, это ж известно!

– Я как-то заглянул в хронологию, – продолжил Дмитрий, слегка волнуясь, – там я такое увидел... В 1129 году евреев изгнали из Англии, в 1132-м изгнали из Франции, в 1134-м – из Испании, в 1137-м – из Португалии, в 1150-м – из Германии, в 1159-м – из Чехии, в 1203-м – из Сирии, в 1207-м – из Персии... Словом, куда ни глянь, отовсюду изгоняли, только из России – ни разу. Там в этой хронологии подавалось как несправедливость к евреям, а я тогда подумал, что не могли ж все сговориться! Значит, дело не в нехороших нациях, а что-то в самих евреях не то?

Он видел, как Валентин морщит лоб, наконец переспросил с недоверием:

– А ты уверен, что из Испании изгнали именно в 1134-м?

– А при чем тут точная дата? – огрызнулся Дмитрий. – Где-то в это время, я не запомнил точно. Там о-о-очень длинный столбик изгнаний из разных стран. Если очень надо, освежи. Хотя ты можешь и так знать...

Валентин насторожился:

– Это почему же?

– Да так, – ответил Дмитрий нагло. – У меня такое чувство. Расовое или национальное, как хочешь.

В комнате настала мертвая тишина. Валентин медленно поднялся. Дмитрий тоже встал, принял боевую стойку. Их разделяла комната, но ее можно одолеть одним прыжком. Некоторое время они мерили друг друга взглядами. Дмитрий чувствовал боевую ярость, в нем бродила злая мощь, вздувала мускулы, требовала выхода.

Он сделал приглашающий жест:

– Ну давай же!.. Это не доллары менять. Посмотрим, стоят ли чего евреи в прямой схватке?

Валентин медленно и страшно бледнел. Его руки согнулись, тело напряглось, в этот момент Тарас звучно ударил его по плечу:

– Валька, перестань. Ты что, такой же малек?.. Ему можно, он еще зеленый, а ты даже подумать не моги.

Валентин с трудом оторвал взгляд от новичка, что осмелился бросить вызов ему, ветерану «каскадеров», шумно выдохнул, сел и демонстративно повернулся к телевизору.

Тарас вдруг сказал громко, стараясь разрядить напряжение:

– А я пойду давить этих жидов на хрен. Если наше руководство сопит в тряпочку, то мы имеем право брать закон в свои руки. А что, не так?

Он покосился на Валентина, заранее ошетинился, ожидал колкости или иронии, но тот ответил неожиданно мирно:

– Конечно, имеет.

Тарас громко ахнул:

– Вот видите? Даже это... этого проняло. Достало! У него тоже, видать, остались... э... э... остатки зачатков души. Может быть, даже русской души, хотя я тоже, глядя на его рожу...

Валентин вскинул одну бровь, смотрел с иронией, а когда Тарас на мгновение умолк, сказал очень мирно и вкрадчиво:

– Давай сперва прикинем. Хоть мы не генштабисты, но все-таки последствия просчитываем? Тем более что нам всегда большая самостоятельность дадена.

– Прикинем, – согласился Тарас. – Вот я вырежу пару их семей. Они поднимут вой, газетчики растреляют количество жертв... прибрежут, понятно, и уже завтра они побегут в Шереметьево с чемоданами. Пусть даже в тех чемоданах будет битком набито долларами, я даже отнимать не стану. А может, правда, и стану...

– Побегут?

– Побегут, – ответил Тарас свирепо.

Валентин обвел задумчивым взглядом комнату, полную этих злых парней, взгляд остановился на крепко сбитом спецназовце, рыжеволосом, как ирландец, и сложенном, как англичанин со старых карикатур. Тот сидел с отрешенным видом, глядел не в телевизор, а мимо.

– Костя!.. Костя, очнись. Ты слышал, о чем здесь речь?

Парень лениво повернулся:

– Что? А, так об этом каждый день говорят. Старые раны если не болят, то чешутся.

– Ты что-нибудь скажешь?

Дмитрий видел, как спецназовцы умолкают, все взгляды обратились к этому парню, которого он раньше не замечал вовсе. Тот видел, что все взоры скрестились на нем, сказал мягким убеждающим голосом, таким же рыжим, как он сам:

– Ну, ребята, вряд ли вам такое интересно... Не касаясь технических тем, я хотел бы обратить ваше внимание вот на что. Само по себе умерщвление пяти, двадцати или пятидесяти евреев столь же эффективно, как истребление тараканов с помощью молотка: ну, отложат тараканы чуть больше яиц... Ну-ну, Тарасик, не вскидывайся! И не надо на меня зверем. Я ж не говорю, что этого не надо делать вообще. Напротив, делать надо, но вся проблема выглядит несколько иначе.

Тарас сказал раздраженно:

– Ты кот за это место не дергай, не дергай! Говори по-человечьи.

– Одни и те же действия, – продолжил Костя так же мягко и почти вкрадчиво, – или очень похожие, могут вызвать совершенно разную реакцию в обществе... как российском, так и еврейском. Все зависит от того, как преподнести. Вы не подумали, что им самим выгодно симулировать погром? Причем с настоящими трупами! Ну, представьте себе, допустим, наш славный День десантника. Если не получится – предпраздничный день. Идеально – вечер субботы. Поздним вечером по московскому каналу проходит первое сообщение о том, что банда пьяных ребят в краповых беретах устроила погром в доме на окраине Москвы, где в коммуналке проживает мирная еврейская семья. А что, евреи не живут в коммуналках? Есть такие чудачки, что живут... Крупным планом: бедная полуразвалившаяся пятиэтажка. Крупным планом: жуткий разгром внутри. Подробно: лужи крови на полу. Очень крупно: кровать, в которой лежал еврейский ребенок, голову которого разбили о стену. Долго, подробно: пятно на старых обоях, обои непременно веселенького цвета, но старые и отклеивающиеся, голос комментатора – «...кровь и кусочки мозга...». Ночью по НТВ – экстренный выпуск новостной программы. Женщина, закутанная в черный платок, «единствен-

ная оставшаяся в живых», захлебываясь от рыданий, рассказывает, как убивали ее мужа: «Он работал на стройке, вчера получил немного денег, пришел такой счастливый, мы хотели сегодня устроить маленький праздник...» – тут начинает выть в голос, ее успокаивают, и все по новой, обязательно с многократными повторениями, обязательно с бытовыми деталями: «... Тут они выломали дверь, я спряталась в ванную комнату, я слышала, как они его били, один из них орал, что так будут убивать всех евреев... он просил их отпустить его, но те только больше зверели... мучили его так долго... а-а-а!», снова рыдания. «Потом выволокли меня и... а-а-а!!!» Голос ведущего: «Мы пропускаем эту часть рассказа». Зато подробно, с обсасыванием деталей – сцена убийства ребенка. На следующий день вся сволочь начинает гудеть, как растревоженный улей. Выступление Антифашистского комитета. Выступление Раввината, в котором прямо заявляется, что этот погром – только начало, а затем следует ожидать всероссийскую резню. Запоздалое выступление Алексея П, осуждающего погромщиков. Вдохновенная речь Старохатской на митинге ДС, в котором призывает имперцев в порядке мести «поступить так же» с любой сотней семей российских специалистов за рубежом: «... Это единственный способ научить русско-советское зверье быть людьми!!!» Запоздалое выступление чинов из МВД, которые распишутся в полной неспособности найти и наказать погромщиков, что неудивительно из-за отсутствия таковых. Алина Баннер немедленно обвинит руководство МВД в том, что оно «... разумеется, не собирается искать русских бандитов, устроивших маленький акт геноцида прямо под нашими окнами. Но вина лежит не только на них, но и на всех нас. Ползучая язва ненависти к «лицам еврейской национальности» поразила наше больное, разлагающееся, люмпенизированное общество...». Речь еще на два часа, содержание известно. Выступление представителей партии ДВР. Публикация в газетах пространных заявлений никому не известных аналитиков, предрекающих страшные акты мщения со стороны «мирового сообщества», включая чуть ли не ядерный удар по Москве. Начинают приходить вести из Израиля. Их вице-премьер... забыл фамилию... ну, которого сняли за его людоедские проповеди, клянется на Библии, что за каждую каплю крови невинно убиенного еврейского младенца лично вырежет русскую семью военнослужащих в соседней Палестине; все начинают судорожно подсчитывать, сколько там этой самой крови во младенце – в любом случае получается много. В центре Иерусалима – многотысячный митинг, режут баранов, клянутся на Библии, призывают правительство к немедленному началу войны с русскими. Понятно, что они выступят как мальчики, за которых тут же вступится НАТО.

После двух дней массивной обработки все население России со сведенными от ужаса животами ждет реакции самого правительства Израиля. Выступает премьер. Выступление неожиданно мягкое: он просит население Израиля воздержаться от мести всем русским и требует от правительства России всего лишь найти виновных и передать их в руки мирового правосудия. Российское правительство униженно оправдывается. Правозащитные организации воют во весь голос. Представитель Эстонии в Европарламенте ставит вопрос об исключении России из всех евроструктур. Российские представители умудряются не довести дело до голосования ценой негласных, но очень болезненных уступок по действительно важным вопросам. Фондовый рынок опять лихорадит. Демиан Драгерман в «Итогах» пишет язвительную статью о финансовых потерях, понесенных Россией из-за «черной субботы», к тому времени случившееся будет называться какой-нибудь специально подобранной кличкой «а-ля кровавое воскресенье». РНЕ отрецивается от происшедшего, что вызывает разочарование его сторонников и откровенные насмешки противников, «...руспатриот Баркашов; по обыкновению, поспешил отказаться от тех, кто всерьез воспринял его призывы...» – Светлана Трещеткина. Ну, вам надо что-то еще объяснять?

Он оглядел притихших десантников. Тарас едва не вытирал слезы. Костя умолк, кивнул Валентину, предлагая тому закончить, но тот выставил ладони, возвращая честь закончить тому, кто так блестяще обрисовал будущее терактов в Москве.

Костя кивнул:

– Как результат: русские «от жога и до жога» чувствуют себя облитыми дерьмом; евреи получают негласную индульгенцию на устройство любых безобразий еще на полгода. Именно в подобное дерьмо можно вляпаться, если заранее не подумать о символическом оформлении собственных действий. Поэтому обработка общественного мнения должна предшествовать любым силовым акциям, а возможность «перехвата» – заранее нейтрализована. Еще не ясно?

Тарас всхлипывал и вытирал слезы, а Макс сказал сожалеюще:

– Да, скоро потеряем Костю...

– Убьют?

– Или убьют – чересчур умный, или заберут в Генштаб, а там загрызут бездари. Все одно ему хана. Так что в долг давать не стоит. Разве что до полочки, да и то риск...

Дверь распахнулась, в светлом проеме возникла темная фигура. Широкая, с угрожающе растопыренными руками:

– Дмитрий Човен!

Дмитрий вскочил:

– Здесь!

– К полковнику, – велел темный человек. Лицо разглядеть не удавалось, но по голосу это был один из старичков. – Немедленно, стажер!

Дмитрий ринулся к выходу, а оставшиеся переглянулись. Стажерами называли только в одном-единственном случае.

Глава 13

Не отрывая глаз от экрана, Ермаков неумело двигал мышью по коврику. Дмитрий усмехнулся от двери, затем увидел, что мышь не просто трехкнопочная, а и еще с какими-то кнопками и рычажками.

– Сержант Човен прибыл! – доложил Дмитрий.

Ермаков повернул голову. Дмитрий ощутил невольную дрожь по всему телу. Глаза полковника, серые, как поверхность железа, смотрели холодно и безразлично, но появилось ощущение, что нечто забралось вовнутрь и шарит по кишкам.

– Рвемся в бой, да?.. – спросил Ермаков холодновато. – А что-то умеем?

Дмитрий ответил как можно спокойнее:

– Я воевал и до этого подразделения.

– Спецподразделения, – поправил полковник.

– Я тоже был в спецподразделениях, – усмехнулся Дмитрий. Он чувствовал, что сейчас наглость почему-то уместна.

Полковник оглядел его с головы до ног, словно решал: доверить ли ему судьбу вселенной или же только одной планеты Земли.

– На завтра есть возможность прогуляться по городу.

У Дмитрия вырвалось:

– Я готов.

Полковник поморщился:

– Не воображай невесть что. Так, размяться разве что. Да и пусть на тебя посмотрят твои будущие напарники.

День клонился к вечеру, солнце сползает к горизонту, но воздух накален, как в печи. Старушки, по обыкновению, на лавочке у подъезда, на детской площадке визжит и гоняет цветной мячик детвора. Старик поливает цветы под балконом, не мог дожидаться вечера.

К подъезду подошел, обливаясь потом, грузный почтальон с тяжелой сумкой. Та перетягивала плечо так, что перекошилось и красное от жары лицо, уже в крупных каплях пота. Неодобрительно покачал головой, обнаружив дверь с домофоном. Попытался нажать чей-то номер, но по ступенькам уже поднимался один из жильцов, сказал благожелательно:

– Не надо, у меня ключ.

– Ой, спасибо...

– Неудобство для вас, – посочувствовал жилец.

– Все правильно, в нашем доме мы тоже поставили...

Пискнуло, дверь дрогнула, объясняя, что магнитный замок уже не держит. Почтальон устало кивнул жильцу с благодарностью, огромная сумка вжимает его в крыльцо, расплющивает. В подъезде со вздохом облегчения поставил сумку на пол, что тут же расплзлась, бесстыдно выпятив наряду с пачками газет и яркий номер «Плейбоя», запаянный в пленку. Пока он вытирал лоб, жилец нажал кнопку лифта, в шахте скрипнуло, а по длинной, как гусеница, лампе запрыгал вниз огонек.

Почтальон подтащил сумку к крайнему ящику, три ряда шагов на пять, не меньше. Дверца лифта распахнулась, жилец шагнул вовнутрь, пошарил по стене, отыскивая свою кнопку на ощупь, темно, дверь мягко закрылась, и лифт медленно пошел вверх.

Почтальон проводил его взглядом, сказал негромко в пустоту:

– Открываю.

Неспешно, искоса поглядывая, как огонек движется вверх, а в другой шахте лифт молчит, он вернулся к входной двери, нажал широкую кнопку. Слегка запищало, он приоткрыл дверь.

Из глубины двора к подъезду подкатила неприметная шестерка. Двое мужчин вышли неспешно, но как-то без лишних движений сразу оказались у двери. Почтальон отступил, пропуская. Писк оборвался, дверь закрылась.

Второй лифт пришел быстро, загрузились, а пока поднимался на седьмой этаж, все трое уже держали в руках черные шапочки, а почтальон сдвинул в сторону газеты, под которыми блеснул металл.

И хотя в таком лифте нет телекамер или подслушивающих устройств, все трое не переговаривались, все распределено заранее.

Двери открылись, трое вышли все так же по-кошачьи неслышно, не делая лишних движений. Скользнули по коридору к двери с нужным номером. Почтальон ухмыльнулся, дверь не просто железная, а просто сейфовая, с мощным набором замков, ни один медвежатник не справится... быстро.

– Но я не медвежатник, – сказал он шепотом. Руки замелькали, а металл, похожий на хирургический, только не блестящий, а матовый, дабы не привлекал внимания блеском, словно прилип к двери.

Двое прислушивались, один начал нетерпеливо прищелкивать языком, но тут массивная дверь отошла от косяка, впечатление было такое, что неведомый инструмент раздвинул всю дверную коробку.

Почтальон потянул на себя, там вторая дверь, ее выбили толчком, двое вбежали, мгновенно оценивая габариты трехкомнатной квартиры, расстановку мебели, хотя понятно, что этот профессионализм сейчас ни к чему... Почтальон аккуратно закрыл дверь, пошел следом за двумя, но остановился в коридоре.

В большой комнате слышались выстрелы, визг тормозов, истошные женские крики. Двое подростков сидели перед компом, на экране мелькали фигурки, с неба сыпались фигуры в зеленых масках, а двое подростков неистово щелкали по клавиатуре и дергали мышами. Русские солдаты металась тупыми толпами, игроки самозабвенно падали из автоматов и даже гранатометов, русские истошно орали, их разрывало в кровавые клочья, слышались фразы на ломаном русском: «На нас напали!», «Откуда они?», «Мы погибли!».

Дмитрий подошел неслышно, ткнул пальцем в кнопку на колонке. Звуки выстрелов стали громче. Подростки оглянулись, один торопливо отъехал вместе с креслом, колеса бесшумные, такое тянет не меньше чем на полтыщи баксов, второй смотрел расширенными в ужасе глазами:

– Кто... вы?

– Дюки Ньюкены, – ответил Дмитрий, он зловеще улыбнулся. – Кто из вас хозяин квартиры?

Парнишка, что остался, черноволосый и даже в кресле вытянутый, как вопросительный знак, спросил бледно:

– Что вы хотите?

Отстранив Дмитрия, Тарас взял его за руку. В огромной лапе спецназовца это выглядело как тростинка на лопате, сжал, посмотрел в побледневшее лицо, а потом хладнокровно, не меняя выражения лица, резко изогнул кисть.

Послышался хруст, легкий треск. Подросток отчаянно закричал. Валентин деловито сделал звук громче. Вопли убиваемых русских, напротив, стали тише, бравые автоматчики встретили русских наяву.

– Ты хозяин? – спросил Тарас.

– Д-да... мой отец...

- А это кто?
- М-м-мой друг... Отпустите!.. Не убивайте!.. Мой отец даст любой выкуп!
- Все еще держа его руку, Тарас кивнул на модем:
- Ты знаешь, почему мы здесь?
- Конечно!.. Отпусти...
- Зачем?
- За бабками!.. Ой, больно!
- Ах, за бабками...

Тарас со злым лицом неуловимо быстро двинул локтем. Обломки кости прорвали плоть и высунулись наружу. Кровь потекла тонкой струйкой на пол. Подросток закатил глаза, бледный от ужаса, как смерть. Второй внезапно вскрикнул дурным голосом, щеки вздулись, покраснел, из горла выметнулась, как из брандспойта, дурно пахнущая струя. Валентин брезгливо отстранился.

Тарас потер окровавленными концами костей один о другой. Подросток очнулся, вскричал:

- Не убивайте!.. Что хотите!..
  - Ты знаешь, зачем мы пришли?
  - Нет!.. Что хотите! Только не убивайте!
- Валентин сказал негромко:
- Он в самом деле не понимает.

Дмитрий отстранил Тараса:

- Дай я. Кто не понимает, тому надо объяснять доходчиво. Слушай ты, сволочь! Слушай внимательно. Ты! Ходишь в Интернет. Заходишь на чужие сайты. Под псевдонимами... их называете никами, гадишь... пишешь то, что писал на заборах... оскорбляешь людей... подписываешься чужими именами... вспомнил?

Он ударил по лицу, не отпуская сломанную руку. Голова подростка дернулась, словно мяч, по которой с размаха ударили ногой. Из разбитых губ брызнула кровь.

- Ой! – вскрикнул он. – Не бейте!.. Я больше не буду!

Дмитрий ощутил, как тяжелая кровь, словно волна прибоя, ударила в череп. В глазах покраснело. Из горла вырвался звериный хрип:

- Думал, не найдут? Следы путали... Через прокси-сервера заходили!.. Анонимайзеры... По ночам, чтоб утром логи успели стереть!.. Думали, гении?.. Любого гада можно найти!.. Была бы охота...

Его трясло, он чувствовал, что Валентин и даже Тарас посматривают с удивлением. Тарас хлопнул сзади по плечу, взял из его рук жертву, больно защемяв волосы. У несчастного глаза полезли на лоб, а Тарас спросил почти ласково:

- Это и есть та штука, которой ты гадил?
- Это... это комп...
- Этот? – переспросил Тарас для верности.

Парнишка не успел раскрыть рот, как чужак с силой ткнул его лицом в компьютер. Парнишка закричал, Тарас поднял за волосы, взглянул в разбитое лицо, улыбнулся и снова ударил еще сильнее. Жестяная коробка окрасилась кровью.

- Отпустите!.. Я не буду больше...
- А за то, что уже сделал? – спросил Тарас. – Отвечать надо, сволочь, и за прошлое...

Он сжал волосы еще сильнее, вся кожа стянулась в кулак, огляделся и с силой метнул его головой вперед в монитор. Раздался мощный хлопок. Парнишка истерически закричал. Тарас снова ухватил за волосы, вытащил. Из залитого кровью лица густо торчали острые стекла.

Дмитрий часто дышал, пытаясь взять себя в руки, не понимая, что на него нашло, всегда бывал собран и даже холодноват, без всякой же дрожи посылал пулю за километр в лоб жертве и так же без дрожи из калаша расстреливал в упор вместе с телохранителями!

Тарас рычал, таскал гаденыша по всей квартире, тыкал разбитой мордой во все, что встречалось на пути, разбивал ею стеклянные дверцы шкафов, попытался разбить коробку электрогриля, оставив ее политой кровью и с парой белых комочков выбитых зубов, напоследок примерился и мощно швырнул головой в экран телевизора.

Раздался мощный хлопок. Гаденыш тонко завизжал и умолк. Запахло горелым мясом. Он завис головой в черной коробке, стоя на коленях и бессильно уронив руки.

Тарас обернулся ко второму:

– Ну, будешь говорить?

От его улыбки завизжала бы в страхе акула. Тот, бледный, дрожащий, почти мертвый от страха, смотрел выпученными глазами, его трясло так крупно, что губы шлепали, как у пса, что отряхивается после купанья.

– Ты все видел? – спросил Тарас.

Подросток судорожно кивнул. Тарас поинтересовался:

– Понял, за что?

Кивок снова, но Тарас спросил неумолимо:

– За что?

– Он кого-то, – прошептали бледные губы, – обидел из крути...

Тарас почти лениво ударил его тыльной стороной ладони. Губы лопнули, а щеку раскровенило твердыми, как копыта, костяшками суставов. Подросток не осмелился даже утереть кровь, смотрел умоляюще.

– Неверно, – ответил Тарас. – В Интернете никогда не угадаешь, кого обидел. Понял? Ты можешь погадать на сайте безобидной старушки, а она окажется одноклассницей бабушки вожака долгопрудненцев или генерала ФСБ. И тот и другой одинаково помогут, понял?.. Повтори, что понял?

Окровавленные губы прошептали:

– Что опасно...

– Верно. Что опасно?

– Опасно задевать...

– Тоже верно. Кого опасно задевать?

Разбитые губы шевелились так долго, что Тарас снова приготовился садануть, но на этот раз уже так, чтобы мозги расплескались по стене, начали в самом деле злить эти мелкие пакостники, но гаденыш наконец выдал из себя:

– Всех опасно...

Тарас кивнул:

– То-то и оно. А не опасно – быть вежливым. За вежливость еще никого не били. Запомни! И другим перескажи. И скажи всем, что отыскать анонимщика в Интернете намного проще, чем телефонного террориста. А теперь...

Черноволокный ревел, его трясло, от него запахло мерзко, стало видно, как модные светлые брюки потемнели, намокли и потяжелели.

– Ах, – протянул Тарас, – так ты что-то плохо меня слушаешь...

Он ударил по лицу снова, на этот раз отпустив руку. Подросток рухнул на пол, а Тарас наступил на пальцы другой руки сапогом, услышал вопль, хруст тонких косточек, улыбнулся так, как могла бы улыбаться сама смерть.

– Какой ты красивый, – проговорил он почти с нежностью. – Эх... И богатенький! Ишь какие штуки вам накупили! Рыжий, дай-ка мне вон ту монтировку.

– Это не монтировка, – ответил Дмитрий.

– Все равно дай!

Подросток смотрел расширенными от ужаса глазами, а Тарас замахнулся, стальной прут мелькнул и с силой опустился точно на разбитые губы. Брызнула кровь, зубы с хрустом провалились в рот, пара осколков вылетела и покатились бело-красными комочками по полу.

Красная пелена спала с глаз Дмитрия. Он почти с сочувствием смотрел на распластанного сына хозяина квартиры. Тот скорчился на полу, правая рука с открытым переломом, все-таки зверь этот Тарас, на левой раздроблены пальцы, на полу лужа из разбитого рта, комочки выбитых зубов...

Валентин на прощание перехватил ножом телефонный провод, бросил на пол и наступил на корбочку сотового. Дмитрий и Тарас, что мобильный телефон заметил, но пренебрег такой мелочью, уже ждали у двери.

Валентин, оглянувшись, предупредил:

– Полчаса – ни звука. Иначе найдем снова. Хоть в Мексике.

От его холодного шипящего голоса стало страшнее, чем от оскаленной пасти Тараса.

Обратно спустились так же спокойно, как и заехали. Почтальон сбросил в лифте униформу, из подъезда вышли трое парней в просторных джинсах и рубашках, а вывернутая наизнанку сумка почтальона превратилась в ярко-зеленый туристический рюкзак.

В машине Тарас в недоумении понюхал пальцы, подозрительно посмотрел по сторонам:

– Никто в дерьмо не вступил?

Валентин хохотнул:

– Это ты его тряс, когда он в штаны наложил!.. И лужа растеклась там... под вами.

Тарас брезгливо потер ладонь о колено Дмитрия, сказал с тоской, словно провыл волчьей:

– Каким дерьмом занимаемся, каким дерьмом... А ты чо так взъярился? Я вообще-то думал, что ты вроде рака в темной воде.

– Это еще что такое?

– Ну сонное, – объяснил Тарас. – Ты не припадочный случай?.. А не случай? То спал-спал, а то скакнул как козел!.. Только что пену не пустил.

Валентин вел машину, смотрел вперед, но, когда заговорил, Дмитрий чувствовал, что слова обращены по его адресу:

– Черт... Теперь он мне будет сниться.

– Кто? – спросил Тарас любознательно.

– Да этот... мелкий пакостник. Глаза такие испуганные! Как говорится, наказание неадекватно проступку.

Тарас фыркнул, а Дмитрий ответил как бы в пространство, тоже отвечая не Валентину, а Тарасу, которому, впрочем, все и так ясно: врагов надо бить, давить и не пущать:

– Тарас, сейчас в Интернет каждый день впервые заходят тысячи новичков. Начинают шарить по всем сайтам. Среди них немало тех, кто бьет стекла в павильонах, вспарывает кресла в электричках, срывает телефонные трубки в автоматах... В Интернете вообще хмелеют от безнаказанности нагадить всем и каждому, прячась под псевдонимами. А про этот случай... ну, последствия нашего визита!.. вся эта репортерская дрянь раззвонит по всему миру! Покажут наши зверства, даже добавят.

Валентин фыркнул неприязненно, глаза сканировали впереди дорогу:

– Да что там добавлять? Калека останется калекой.

– Зато другие не станут, – ответил Дмитрий так же в пространство. – Других мы уберегли, считай. Будут заходить в Интернет на цыпочках. Раскланиваться со всеми!

Тарас расстегнул рубашку на груди, ветер вскудрявил густую поросль, внезапно спросил:

– А что такое Интернет?

Дмитрий присвистнул в великом изумлении:

– А ты не знаешь?

– Да слышал краем уха... Можно подумать, ты знаешь!

– У меня хороший комп с подключением... Вернее, я думал, что хороший, пока эти два чудовища не увидел. Черт, ты же их так уродовал, что я решил... решил даже, что и к тебе на сайт кто-то заходил и послал тебя на хрен двадцатью способами. Да еще и тебя голого смонтировал с растопыренными ягодицами под ишаком...

Губы Валентина чуть дрогнули, Тарас нахмурился:

– Ну-ну, придержи язык. Я не знаю, что такое Интернет, но какой Интернет в троллейбусах сиденья выпарывает? И стекла бьет. Даже на остановке, где сами ж от дождя прячутся! Но тех найти труднее. А здесь, как говорит наш полковник, все оставляет следы.

Валентин покачал головой:

– Жестоко мы его. Чересчур.

– Жестоко, – согласился Тарас. – Но не выслеживать их всех, а потом к каждому вот так? Лучше прижечь язвочку, а то потом на ампутацию!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.